

2015 № 3

МГПИУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В. Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Часть 1. Постановка проблемы)	1
Чечулина А.Е., Луковцева З.В. Исследование социализации телесной сферы подростков, семьи которых переживают период развода	14
Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В. К проблеме психологического определения понятия «Юридически значимые ситуации»	29
Булыгина В.Г., Березкин А.С., Козлов Т.Н., Макурина А.П. Психологические и клиничко-социальные характеристики пациентов, реализующих различные виды агрессии в стационаре (гендерный аспект)	37
Коваленок Т.П. Особенности моральных суждений и социального интеллекта студентов	49
Бусарова О.Р. Формирование у студентов-психологов диагностических умений для работы с подростками с девиантным поведением как фактор соблюдения этического принципа объективности	51
Квашнина Н.Н., Коноплева И.Н. Взаимосвязь личностных качеств и эффективности профессиональной деятельности работников налоговых органов	61
Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. Апробация русскоязычной версии методики «шкала импульсивности Барратта» (BIS-11)	75
Ларин А.Н. Психологические особенности жертв торговли людьми	90

Харланова М.М., Дворянчиков Н.В.

Особенности формирования телесного аспекта гендерной
идентичности у мужчин

98

Дворянчиков Н.В.

Рецензия на учебник проф. Ф.С. Сафуанова
«Судебно-психологическая экспертиза»

106

Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Часть 1. Постановка проблемы)¹

Бовина И.Б., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (innabovina@yandex.ru)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (dvorian@gmail.com)

Будыкин С.В., аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (moscow858@yandex.ru)

В статье представлена первая часть работы, посвященной изучению обыденных представлений родителей и учителей об информационной безопасности детей и подростков. Речь идет о рассмотрении проблемы информационной безопасности детей и подростков, обсуждаются эффекты наблюдения насилия в масс-медиа на последующее поведение зрителей, говорится о предписывающей роли телевидения на примере перенесения схемы С. Милграма в контекст телевизионной игры (эксперимент Ж.Л. Бовуа с коллегами). В работе рассматривается то, какое влияние на пользователей оказывает Интернет, рассматриваются основные направления действий в связи с обеспечением информационной безопасности детей и подростков, акцентируется внимание на психологических аспектах концепции информационной безопасности детей, демонстрируется важность изучения «наивных теорий», регулирующих действия, направленные на обеспечение информационной безопасности детей. Авторы объясняют перспективность изучения проблемы информационной безопасности детей в рамках теории социальных представлений.

Ключевые слова: информационная безопасность детей и подростков, насилие, телевидение, Интернет, теория социальных представлений.

Для цитаты:

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В. Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Часть 1. Постановка проблемы)

¹ Работа выполнена благодаря финансовой поддержке РГНФ (15-06-10649).

[Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С. 1-13
doi: 10.17759/psylaw.2015050301

For citation:

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budikin S.V. Information security of children and adolescents in understanding parents and teachers [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp.1-13
doi: 10.17759/psylaw.2015050301

В своей работе «Три источника и три составные части поддержания нравственности в обществе» А.В. Юревич говорит о тех трансформациях, происходящих с традиционными институтами социализации, среди которых важнейшие – семья и школа. Снижение их влияния на индивида восполняется ростом влияния средств массовой коммуникации [11].

Из трех социальных функций средств массовой коммуникации – информационной, образовательной и развлекательной [4], – если проанализировать направленность программ, транслируемых по разным каналам отечественного телевидения, то несложно заметить, что именно развлекательная функция является ведущей.

Из многочисленной литературы, в которой, так или иначе, демонстрируется влияние² средств массовой коммуникации на индивида (будь то взрослые или дети), мы отдали предпочтение двум линиям. С одной стороны, речь идет о классических исследованиях А. Бандуры, с другой стороны – о недавней работе Ж.Л. Бовуа с коллегами [2, 3, 13, 27].

Итак, в классических исследованиях А. Бандуры было продемонстрировано, какой эффект на детей производило наблюдение насилия в масс-медиа [2, 3]. Последующие исследования, проведенные на детской и подростковой выборках, в частности, реализованные У. Джозефсоном, Ж.Ф. Лейенсом, Р. Бэрном с коллегой и др., подтверждают силу негативного влияния СМК на эти возрастные группы [2]. Объясняя то, почему насилие в СМК, а особенно, на телевидении³, влияет на агрессию зрителей, Э. Аронсон с коллегами, делают следующие выводы:

1) наблюдение за насилием, демонстрируемым телевизионными персонажами, ведет к тому, что у зрителей снижается запрет на совершение агрессивных или жестоких действий;

2) наблюдение за жестокими действиями, совершаемыми, героями тех или иных телевизионных сюжетов, предоставляет зрителям образец для подражания;

3) у зрителей возникает ощущение того, что гнев выразить легче, в результате вероятность агрессивной реакции повышается;

² Эффекты, которые оказывает телевидение на зрителей, достаточно сложны и не всегда поддаются экспериментальной демонстрации [13].

³ Н.Н. Богомолова отмечает, что эффект воздействия у такого средства массовой коммуникации, как телевидение выше, чем у таких, как радио или газеты, ибо телевидение дает не только слуховое восприятие информации, но и зрительное. Телевидение приблизило массовую коммуникацию к привычным для человека формам межличностного общения, дало возможность человеку приблизиться к предмету коммуникации, перенестись за десятки тысяч километров в самые дальние уголки планеты [4]. Очевидно, что Интернет совпадает в этом плане с телевидением, а также имеет еще большие возможности, если принимать во внимание разнообразные социальные сети, а также видеохостинги, такие, как, например, «Youtube», которые позволяют человеку, в том числе, создавать свои сюжеты и разделять их с другими.

4) наблюдение за многочисленными агрессивными, жестокими действиями по телевидению ведет к тому, что снижается сочувствие к жертве, увиденные действия не воспринимаются как столь ужасные. Как следствие – зрителям теперь проще допускать агрессивные действия [2].

С нашей точки зрения, указанные выше выводы, по сути, свидетельствуют о своего рода «нормализации насилия», когда этот способ поведения не вызывает негативной эмоциональной реакции, становятся приемлемой стратегией действия.

С другой стороны, примечателен недавний эксперимент Ж.Л. Бовуа, Д. Курбе и Д. Оберле [13,27], в котором авторы попытались воспроизвести эксперимент С. Милграма. В отличие от исследования С. Милграма, легитимная власть науки была заменена на оную власть телевидения (для испытуемых, подобранных по тем же параметрам, что и у Милграма, сама процедура исследования была максимально приближена к той, что была у Милграма, но предлагалось участие не в эксперименте, как у Милграма, а в телевизионном игровом шоу). Как отмечают авторы, они не ставили своей задачей всего лишь воспроизведение эксперимента С.Милграма, но, используя экспериментальную парадигму Милграма, перенесли ее в другой социальный контекст – контекст телевизионного шоу [7, 13, 27]. Учитывая, какую важную роль играет телевидение в современном мире, авторам удалось продемонстрировать, как зрители подчиняются этой власти.

Если в базовом эксперименте С. Милграма 65% испытуемых продемонстрировали подчинение авторитету науки, то в эксперименте Ж. Л. Бовуа этот показатель составил 81%, испытуемые продемонстрировали подчинение авторитету телевидения (сравнение показателей оказывается значимым на маргинальном уровне значимости $\chi^2(1) = 3,02, p = 0,08$). Из 76 испытуемых в эксперименте Бовуа с коллегами только 18 человек (23,7%) были заядлыми любителями телевизионных шоу [7, 13]. Хотя Бовуа с коллегами получили свои результаты на выборке взрослых, но, учитывая уязвимость детей и подростков, можно только строить предположения относительно того, какова степень подчинения предписаниям телевизионных передач среди детей и подростков.

Возникновение и широкое распространение Интернета и информационно-коммуникационных технологий заметно трансформировали не только профессиональную, но и повседневную жизнь человека. В технологическую эру так называемые *новые медиа* играют даже более важную роль, чем телевидение, определяя ценности, поведение, стратегии для построения социальных отношений и пр. [30]. Не только взрослые люди, но также дети и подростки являются активными потребителями новых технологий во всем мире. Все пользователи Интернета так или иначе могут столкнуться с различного рода угрозами в этом пространстве, но дети и подростки оказываются самыми уязвимыми группами.

По европейским данным, начало использования Интернета приходится, в среднем, на семилетний возраст [19]. Результаты французских исследований свидетельствуют о том, что семилетние дети уже используют сеть Интернет без родителей, а в возрасте двенадцати лет подростки имеют более или менее регулярные контакты в различных социальных сетях [21].

Европейские страны предпринимают согласованные действия для обеспечения информационной безопасности детей и подростков. Так в мае 2012 г. была сформулирована «Европейская стратегия по формированию лучшего Интернета для детей» [15]. Суть этой стратегии сводится к разработке и реализации мер по следующим направлениям.

1. Создание позитивного содержания в Интернете (акцент делается на создании творческих и образовательных ресурсов, предназначенных для детей и подростков, что способствовало бы развитию творчества и критического мышления, ибо на настоящий момент использование Интернета скорее потребительское, чем созидательное, творческое).

2. Повышение информированности пользователей, с целью обеспечения их безопасности в Интернет-пространстве. При этом авторы подчеркивают, что школа должна стать тем самым пространством, в котором детей и подростков обучают необходимым навыкам безопасности.

3. Создание безопасной Интернет-среды, что подразумевает адаптацию содержания к возрасту пользователей, а также широкое использование функции родительского контроля.

4. Защита детей от материалов, содержащих сцены сексуального насилия в отношении детей, их сексуальной эксплуатации, порнографию.

Пока специалисты реализуют эти действия по организации и обеспечению безопасного Интернет-пространства для детей и подростков, попытаемся ответить на вопрос, знают ли родители о том, что именно интересует их детей, когда они используют сеть Интернет.

Если обратиться к опросам, проведенным в США, Англии и ряде других европейских стран, то ответ на этот вопрос скорее будет отрицательным, родители не знают, какие именно сайты посещают их дети несовершеннолетнего возраста, сколько времени их дети проводят в сети Интернет [16,22]. Очевидно, что такие результаты свидетельствуют о необходимости мер, адресованных родителям. В ряде стран Европейского союза уже проводились информационные кампании (одна из недавних – «Где Артур?» [28]), направленные на демонстрацию риска, связанного с бесконтрольным использованием сети Интернет детьми и подростками, а также напоминающие родителям о необходимости действий по защите детей и подростков от бесконтрольного доступа к информации в современном мире. Слоган французской национальной кампании, реализованной в 2014 г., также направленной на повышение информированности родителей об угрозе бесконтрольного использования Интернета несовершеннолетними детьми, звучал так: «Знаете ли Вы точно, с кем сейчас общается Ваш ребенок в Интернете?» [29].

Не будет преувеличением, если мы скажем, что проблема информационной безопасности детей и подростков остро стоит во всем мире и требует своего разрешения.

Обращаясь к отечественной ситуации, стоит отметить, что, по статистическим данным, имеющимся на лето 2014 г., 87,5 млн россиян используют Интернет, т. е. 61,4% населения страны, причем почти каждый десятый пользователь Интернета – в возрасте до 14 лет [9, 19]. При этом три четверти юных пользователей используют Интернет самостоятельно, без контроля родителей [9].

Отечественные специалисты указывают на то, что в России школьники узнают интересные факты, в первую очередь из сети Интернет, во вторую очередь – от учителей [1].

Закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, был принят еще в конце 2010 г. [10], в соответствии с ним был разработан ряд мероприятий, направленных на его реализацию.

Наряду с этим, была разработана психологическая концепция информационной безопасности детей (как ее обозначили авторы – системно-динамическая концепция информационной безопасности детей и подростков). Эта концепция базируется на идеях В.С. Степина (относительно системного подхода к анализу явлений), принципах культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, а также психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. Также она включает системно-динамическую модель безопасности, предложенную Ю.П. Зинченко [6].

Обращение к литературе показывает, что предпринимаются попытки изучить компетентность детей и родителей в связи с использованием Интернета [8]. В частности, вводится новое понятие – «цифровая компетентность», под компетентностью предлагается понимать «основанную на непрерывном овладении компетенциями (системой соответствующих знаний, умений, мотивации и ответственности) способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять информационно-коммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности (работа с контентом, коммуникации, потребление, техносфера), а также его готовность к такой деятельности» [8, с. 4].

Очевидно, что усилия специалистов в области информационной безопасности необходимы для поиска средств противостояния различным факторам риска.

Пока специалисты заняты поиском того, как сделать информацию, распространяемую в первую очередь посредством СМК, более безопасной для детей и подростков, а также научить их пользоваться Интернетом, снижая влияние негативных факторов; перед представителями социальных наук стоит вопрос, относительно того, как люди в повседневной жизни справляются с существующей угрозой информационной безопасности детей и подростков. И, в первую очередь, речь идет о родителях и учителях, которые непосредственно связаны с необходимостью обеспечивать информационную безопасность детям и подросткам, как они понимают эту угрозу, как выстраивают стратегии поведения для обеспечения информационной безопасности детей и подростков.

Эффективность защиты детей и подростков от информации, угрожающей их здоровью, зависит от того, как это знание трансформируется через призму так называемых «наивных теорий». Люди конструируют эти теории для выработки понимания того, что такое «информационная безопасность детей и подростков», какая информация угрожает детям и подросткам, какие действия требуется предпринимать для того, чтобы не причинять им вреда. В этом смысле одни лишь информационные кампании едва ли могут быть эффективными и приведут к искомому результату, ибо они игнорируют эти «наивные теории», которыми индивиды успешно пользуются для защиты от тревожащей неизвестности [26], сталкиваясь с новой непонятной информацией. Продуктивной концептуальной рамкой для этого является теория социальных представлений, предложенная С. Московиси [25]. На протяжении вот уже более полувека эта теория представляет собой достаточно перспективную социально-психологическую традицию, через призму которой исследователи анализируют особенности социального мышления человека, изучают то, как субъекты вырабатывают в многочисленных коммуникациях понимание новых явлений окружающего мира, защищаясь от их пугающей незнакомости, как выстраивают стратегию поведения, опираясь на обыденные представления [5, 12, 14, 17, 18, 20, 23].

Социальные представления могут быть определены как «...система ценностей, идей и практик с двойной функцией, во-первых, устанавливая порядок, который позволил бы индивидам ориентироваться в социальном и материальном мире и подчинять его; во-вторых, делать возможными коммуникации среди членов группы, обеспечивая их кодом для социального обмена и кодом для того, чтобы называть и классифицировать определенным образом различные аспекты их мира, их индивидуальной и групповой истории» [24, р. xiii]. Социальные представления выполняют ряд функций, среди которых: организация знания, интерпретация и конструирование реальности, ориентация поведения индивидов и оправдание их социальных отношений (представления содержат предписания в отношении соответствующего поведения). Они также принимают участие в конструировании и поддержании социальной идентичности [12, 14, 17, 24]. Социальные представления, будучи общими для всех членов одной социальной группы, дают индивидам возможность иметь общий код, используемый в коммуникации. Этот код позволяет называть и определенным образом классифицировать объекты окружающего мира для того, чтобы нечто «странное» и «необычное» сделать знакомым и понятным [25].

Согласно теории социальных представлений, объектом представлений становятся не любое явление нашей жизни, но ее меняющиеся феномены. Потенциальные объекты представлений должны обладать такими характеристиками, как «социокогнитивная выпуклость»; интересующая группа должна иметь какой-то опыт действия в отношении этого объекта представлений [18]. В отношении «социокогнитивной выпуклости», К. Фламен и М.Л. Рукет подчеркивают, что, с одной стороны, объект представления должен являться некоторой абстракцией, общим понятием, включающим серию конкретных случаев⁴; с другой стороны, потенциальный объект должен быть представлен в коммуникациях [18]. Сами коммуникации могут осуществляться на четырех различных уровнях [23], а именно: уровне межличностной коммуникации, уровне публичных дебатов, уровне СМК и уровне культурной коммуникации. Говоря об опыте действий в отношении объекта или взаимодействия группы с объектом представлений, К. Фламен и М.Л. Рукет предлагают, например, такие случаи для анализа: 1) наличие или отсутствие деятельности; 2) длительный или кратковременный опыт деятельности; 3) тот или иной стиль исполнения деятельности; 4) наличие или отсутствие размышлений, рефлексии в отношении исполнения деятельности.

В нашем случае понятие «информационная безопасность детей» является новой категорией, которая стала использоваться с той или иной частотой в общественном дискурсе вслед за вступлением в действие упомянутого выше Закона, появилась так называемая возрастная классификация информационной продукции. Очевидно, что в фокусе внимания родителей и учителей оказывается рассмотрение того, какая именно информация угрожает детям и подросткам, и какие меры необходимы для защиты детей от информации, которая может причинить им вред. Сравнение того, как родители и учителя понимают, что такое информационная безопасность детей, открывает возможность рассматривать специфику социальных представлений, обусловленную разным способом взаимодействия с проблемой информационной безопасности детей на семейном и профессиональном уровнях. Каждая группа имеет свое специфическое взаимодействие с объектом представления, что отражается на понимании ею информационной безопасности детей. Изучение особенностей социальных представлений об информационной безопасности детей и станет целью нашего исследования.

⁴ Объектами представлений становятся новые явления или те, которые попадают в дискурс, приобретают социальную значимость в определенный момент.

Литература

1. Анализ содержания и структуры информационного потребления современных российских детей и подростков по возрастным категориям 0–6 лет, 6–12 лет, 12–16 лет, 16–18 лет [Электронный ресурс] // Концепция информационной безопасности детей. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_1.pdf (дата обращения: 20.08.2015).
2. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: Олма-пресс, 2002.
3. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
4. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации. М.: Аспект пресс, 2008. 191 с.
5. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации Российского общества. М.: Институт психологии РАН, 2006.
6. Методология концепции информационной безопасности детей и подростков [Электронный ресурс] // Концепция информационной безопасности детей. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_4.pdf (дата обращения: 14.09.2015).
7. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб: Питер, 2000.
8. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М., 2013.
9. Толоконникова А.В. Дети и Интернет: проблемы и гарантии информационной безопасности [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2015. №2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1766> (дата обращения: 05.10.2015).
10. Федеральный закон от 28 июля 2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70207766/> (дата обращения: 12.09.2015).
11. Юревич А.В. Три источника и три составные части поддержания нравственности в обществе // Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013. С.13–35.
12. Abric J.C. Pratiques sociales et représentations. Paris: Presses Universitaires de France, 1994.

13. Beauvois J.L., Courbet D., Oberlé D. The prescriptive power of the television host. A transposition of Milgram's obedience paradigm to the context of TV game show // *Revue européenne de psychologie appliquée*, 2012, Vol. 62. P. 111–119.
14. Breakwell G. Social representational constraints upon identity processes // In K. Deaux, G. Philogène (Eds.), *Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions*. Oxford: Blackwell Publishers. P. 271–284.
15. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – European Strategy for a Better Internet for Children [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/european-strategy-deliver-better-internet-our-children> (дата обращения: 12.09.2015).
16. Digital deception: the online behaviour of teens [Электронный ресурс]. URL: http://www.antibullyingalliance.org.uk/media/6621/mcafee_digital-deception_the-online-behaviour-of-teens.pdf (дата обращения: 24.08.2015).
17. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept // In W. Doise, A. Palmonari (Eds.), *L'étude des représentations sociales*. Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1986. P. 86–98.
18. Flament C. Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003.
19. Internet world stats. Usage and population statistics [Электронный ресурс] URL: <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (дата обращения: 12.09.2015).
20. Jodelet D. *Les représentations sociales*. P.: Presses Universitaires de France, 1984.
21. La perception par les parents des risques encourus par leurs enfants sur Internet. IPSOS [Электронный ресурс]. URL: <http://www.social-sante.gouv.fr/espaces,770/famille,774/publications-et-textes-officiels,893/sondages-etenquetes-sur-la,740/la-perception-par-les-parents-des,7411.html> (дата обращения: 15.09.2015).
22. McAfee Digital Deception Study 2013: Exploring the Online Disconnect between Parents, Pre-teens, Teens and Young Adults [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcafee.com/au/resources/reports/rp-digital-deception-survey.pdf> (дата обращения: 21.09.2015).
23. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales // *La dynamique des représentations sociales* / Ed.by P.Moliner, Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001. P. 245–268.

27. Moscovici S. Foreword to C.Herzlich, Health and illness. London, Academic Press, 1973. P. ix–xiv.
28. Moscovici S. La Psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1961.
29. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations: explorations in social psychology. S.Moscovici / Ed. By G.Duveen. N. Y.: New York Universty Press, 2000. P. 18–77.
30. Oberlé D., Beauvois J.L., Courbet D. Une transposition du paradigme d'obéissance de Milgram à la télévision: enjeux, résultats et perspectives // Connexions, 2011. Vol. 95, № 1. P. 71–88.
31. «Ou est Arthur?» [Электронный ресурс]. URL: http://www.dailymotion.com/video/x7qf6v_ou-est-arthur-un-film-pouralerter_news (дата обращения: 20.06.2015).
32. «Savez-vous vraiment avec qui parle votre enfant sur internet?» [Электронный ресурс]. URL:
33. <http://innocenceendanger.org/2014/campagne-nationale-emocones/> (дата обращения: 7.10.15).
34. Zdanow C., Wright B. The representation of self-injury and suicide on emo social networking groups // African Sociological Review. 2012. Vol. 16. № 2. P. 81–101.

Information security of children and adolescents in understanding parents and teachers

Bovina I.B., PhD, Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (innabovina@yandex.ru)

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Dean of the Department of Legal Psychology, Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

Budykin S.V., Postgraduate student, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology Moscow State University of Psychology and Education (moscow858@yandex.ru)

The article presents the first part of the work devoted to the study of ordinary representations of parents and teachers about information security of children and adolescents. It is about addressing the problem of information security of children and adolescents, discuss the effects of observing violence in the mass media on the subsequent behaviour of viewers, refers to directing television roles on the example of transfer schemes by S. Milgram in the context of television game (experiment J. L. Beauvois with colleagues). This paper examines the impact on users has the Internet, discusses the main directions of action in relation to ensuring information security of children and adolescents, focusing on psychological aspects of the concept of information security of children, demonstrates the importance of studying "naive theories" that govern the actions aimed at ensuring information security of children. The authors explain the prospect of studying problems of information security of children in the framework of the theory of social representations.

Keywords: information security of children and adolescents, violence, television, the Internet, the theory of social representations.

References

1. Analiz sodержaniya i struktury informacionnogo potreblenija sovremennyh rossijskih detej i podroستkov po vozrastnym kategorijam 0–6 let, 6–12 let, 12–16 let, 16–18 let [Elektronnyj resurs] // Konceptija informacionnoj bezopasnosti detej. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_1.pdf (data obrashhenija: 20.08.2015).
2. Aronson Je., Uilson T., Jejkert R. Psihologicheskie zakony povedenija cheloveka v sociume. SPb.: Olma-press, 2002.
3. Bandura A. Teorija social'nogo nauchenija. SPb.: Evrazija, 2000.

4. *Bogomolova N.N.* Social'naja psihologija massovoj kommunikacii. M.: Aspekt press, 2008. 191 s.
5. *Emeljanova T.P.* Konstruirovanie social'nyh predstavlenij v uslovijah transformacii Rossijskogo obshhestva. M.: Institut psihologii RAN, 2006.
6. Metodologija koncepcii informacionnoj bezopasnosti detej i podroستkov [Elektronnyj resurs] // Koncepcija informacionnoj bezopasnosti detej. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_4.pdf (data obrashhenija: 14.09.2015).
7. *Milgram S.* Jeksperiment v social'noj psihologii. SPb: Piter, 2000.
8. *Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Ju.* Cifrovaja kompetentnost' podroستkov i roditelej. Rezul'taty vserossijskogo issledovanija. M., 2013.
9. *Tolokonnikova A.V.* Deti i Internet: problemy i garantii informacionnoj bezopasnosti [Elektronnyj resurs] // Mediaskop. 2015. №2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1766> (data obrashhenija: 05.10.2015).
10. Federalnyj zakon ot 28 ijulja 2012 № 139-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O zashhite detej ot informacii, prichinjajushhej vred ih zdorov'ju i razvitiju» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/70207766/> (data obrashhenija: 12.09.2015).
11. *Jurevich A.V.* Tri istochnika i tri sostavnye chasti podderzhanija npravstvennosti v obshhestve // Psihologicheskie issledovanija npravstvennosti / Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Jurevich. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 2013. S.13–35.
12. *Abrie J.C.* Pratiques sociales et représentations. Paris: Presses Universitaires de France, 1994.
13. *Beauvois J.L., Courbet D., Oberlé D.* The prescriptive power of the television host. A transposition of Milgram's obedience paradigm to the context of TV game show // Revue européenne de psychologie appliquée, 2012, Vol. 62. P. 111–119.
14. *Breakwell G.* Social representational constraints upon identity processes // In K. Deaux, G. Philogène (Eds.), Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions. Oxford: Blackwell Publishers. P. 271–284.
15. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – European Strategy for a Better Internet for Children [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/european-strategy-deliver-better-internet-our-children> (дата обращения: 12.09.2015).
16. Digital deception: the online behaviour of teens [Электронный ресурс]. URL: <http://www.antibullyingalliance>.

17. org.uk/media/6621/mcafee_digital-deception_the-online-behaviour-of-teens.pdf (дата обращения: 24.08.2015).
18. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept // In W. Doise, A. Palmonari (Eds.), *L'étude des représentations sociales*. Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1986. P. 86–98.
19. Flament C. Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003.
20. Internet world stats. Usage and population statistics [Электронный ресурс] URL: <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (дата обращения: 12.09.2015).
21. Jodelet D. *Les représentations sociales*. P.: Presses Universitaires de France, 1984.
22. La perception par les parents des risques encourus par leurs enfants sur Internet. IPSOS [Электронный ресурс]. URL:
23. <http://www.social-sante.gouv.fr/espaces,770/famille,774/publications-et-textes-officiels,893/sondages-etenquetes-sur-la,740/la-perception-par-les-parents-des,7411.html> (дата обращения: 15.09.2015).
25. McAfee Digital Deception Study 2013: Exploring the Online Disconnect between Parents, Pre-teens, Teens and Young Adults [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcafee.com/au/resources/reports/rp-digital-deception-survey.pdf> (дата обращения: 21.09.2015).
26. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales// *La dynamique des représentations sociales* / Ed.by P.Moliner, Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001. P. 245–268.
27. Moscovici S. Foreword to C.Herzlich, *Health and illness*. London, Academic Press, 1973. P. ix–xiv.
28. Moscovici S. *La Psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1961.
29. Moscovici S. The phenomenon of social representations // *Social representations: explorations in social psychology*. S.Moscovici / Ed. By G.Duveen. N. Y.: New York Universty Press, 2000. P. 18–77.
30. Oberlé D., Beauvois J.L., Courbet D. Une transposition du paradigme d'obéissance de Milgram à la télévision: enjeux, résultats et perspectives // *Connexions*, 2011. Vol. 95, № 1. P. 71–88.

31. «Ou est Arthur?» [Электронный ресурс]. URL: http://www.dailymotion.com/video/x7qf6v_ou-est-arthur-un-film-pouralerter_news (дата обращения: 20.06.2015).
32. «Savez-vous vraiment avec qui parle votre enfant sur internet?» [Электронный ресурс]. URL:
33. <http://innocenceendanger.org/2014/campagne-nationale-emocones/> (дата обращения: 7.10.15).
34. Zdanow C., Wright B. The representation of self-injury and suicide on emo social networking groups // African Sociological Review. 2012. Vol. 16. № 2. P. 81–101.

Исследование социализации телесной сферы подростков, семьи которых переживают период развода

Чечулина А.Е., магистрант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (ana-tan@mail.ru)

Луковцева З.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (sverchokk@list.ru)

В статье представлены результаты исследования социогенеза телесности подростков, родители которых находятся в высоко конфликтных отношениях и переживают период развода. Основную группу составили семьи, проходившие экспертизу детско-родительских отношений в Центре по проведению судебных экспертиз и исследований, контрольную группу – семьи с благополучными супружескими отношениями (всего 28 родителей и 16 подростков в возрасте 13–15 лет). Для оценки качественно-количественных характеристик телесной сферы подростков применялись методики «Объем и структура интрацептивного фона», «Шкала оценки кожи» и тест «Форма тела»; особенности детско-родительских отношений оценивались с помощью опросников «Поведение родителей и отношение подростков к ним». Обнаружены статистически достоверные межгрупповые различия (U-критерий Манна-Уитни) по ряду параметров, характеризующих социализацию телесной сферы подростков. У подростков из семей, переживающих период развода, выявлены нарушения индивидуального (лабильность границ) и социального (рефлексия, метафоричность) уровней телесности по типу ретардации.

Ключевые слова: подростковый возраст, тип родительского воспитания, развод родителей, онтогенез телесности, социализация телесной сферы, ретардация.

Для цитаты:

Чечулина А.Е., Луковцева З.В. Исследование социализации телесной сферы подростков, семьи которых переживают период развода [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С.14-28. doi: 10.17759/psylaw.2015050302

For citation:

Chechulina A.E., Lukovceva Z.V. The study of bodily socialization of adolescents, whose families are experiencing divorce [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp.14-28. doi: 10.17759/psylaw.2015050302

Введение

Методологическую основу изучения социализации телесной сферы в онтогенезе составляют работы отечественных авторов, разрабатывающих проблематику психологии телесности с позиций культурно-исторического подхода [1; 3; 4; 7; 8; 13]. Авторами сформулированы положения о социокультурных источниках и механизмах развития телесности, предложена периодизация этого процесса, охарактеризованы «метафорический язык» телесности и ее структура (табл. 1).

Таблица 1

Структура телесности

Внутренняя телесность	Границы телесности	Внешняя телесность
<ul style="list-style-type: none">• Интрацептивный фон ощущений• Смысл ощущений• Представления о теле• Словарь ощущений• Означение потребностей	<ul style="list-style-type: none">• Лабильность• Ригидность	<ul style="list-style-type: none">• Рефлексия• Метафоричность ощущений• Контроль двигательных актов и телесных функций• Коммуникативность телесности• Ценность тела
Психофизиологический уровень	Индивидуальный уровень	Социальный уровень

Социализация телесной сферы подчиняется законам развития высших психических функций и, соответственно, рассматривается в терминах произвольности, опосредованности и социальной обусловленности.

Сравнительно редкими остаются исследования, освещающие конкретные стадии социализации телесной сферы; исключение составляют работы Г.В. Ложкина, А.Ю. Рождественского [6] и некоторых других авторов. Сохраняет актуальность и проблема периодизации, которая могла бы синтезировать современные представления об онтогенезе психики и телесности ребенка. Определяя теоретико-методологические ориентиры нашего исследования, мы предприняли попытку создания рабочей модели социализации телесной сферы ребенка в семейном контексте.

Согласно этой модели, **первой стадии** (симбиоз, 0–1 год) соответствует жизнь в неразрывной диадической связи, когда мать является главным источником удовлетворения

биологических потребностей ребенка. Накопление перцептивного опыта происходит в процессе общения, предполагающего разнообразную сенсорную стимуляцию со стороны матери и эмоциональное «сопровождение» ею всего происходящего с первичным смысловым наполнением. Прикосновения матери помогают сформировать образ тела у ребенка и обозначить границы его телесности; здесь же зарождается будущий словарь ощущений.

Вторая стадия (стадия репрезентаций, 2–7 лет) характеризуется активным расширением и дифференциацией словаря ощущений. Мать по-прежнему остается главным членом семьи для ребенка, однако все большее значение приобретает общение с другими близкими взрослыми и детьми. Ребенок оттачивает точность движений и расширяет свой двигательный репертуар, для чего необходимы пространство, время и известная самостоятельность. Окружающие комментируют, поясняют смысл телесных феноменов и потребностей ребенка, а также реагируют на происходящее поведенчески (например, мать учит ребенка чистить зубы, вкладывает в его руку зубную щетку, сопровождает совместные движения словесными комментариями; затем становится достаточно материнского одобрения или замечания). Важными новообразованиями этой стадии являются также означение телесных потребностей и формирование полоролевых представлений, происходящие в процессе общения с близкими взрослыми разного пола.

На **третьей стадии**, или стадии гностических действий (8–13 лет), роль семьи заключается в оценке уместности действий, совершаемых ребенком, а также точности его словесных отчетов об ощущениях и самочувствии в целом. Развитие сложных двигательных актов и телесных функций идет по пути подражания, понимания смыслов совершаемого и совершенствования процессов контроля. Доступно осмысленное восприятие телесности окружающих, и, если что-то случается с членами семьи (болезнь или травма), нельзя изолировать ребенка от этих событий. Необходимо озвучить смысл происходящего и помочь поделиться переживаниями и ассоциациями (учитывая, что последние основаны, разумеется, на собственном телесном опыте ребенка).

Наконец, **четвертая стадия** (стадия рефлексии, 14–16 лет) предполагает расширение самостоятельных контактов подростка, исследование мира за пределами дома. Общение с ранее неизвестными людьми требует новых форм поведения, контроля своих поступков и удовлетворения телесных потребностей. Родители, как и другие значимые люди, передают подростку культурный смысл представлений о теле, причем означение телесной феноменологии приобретает метафорический характер («сердце в пятки ушло», «вдохнул с облегчением», «голова кругом» и т. д.). Необходимость соответствовать общественным нормам активизирует и уточняет представления подростка о собственной внешности, ценности тела.

Как указывают В.В. Николаева и Г.А. Арина [8], дизонтогенез телесности обнаруживает сходство с психическим дизонтогенезом и, соответственно, может выступать в нескольких вариантах. *Первый вариант* связан с задержкой психологического опосредования телесного опыта и проявляется в ретардации телесных актов (произвольного регулирования таковых, использования культурных форм удовлетворения потребностей). *Второй вариант* носит регрессивный характер – ребенок/подросток теряет ранее приобретенные двигательные и телесные навыки, происходят актуализация ранних смысловых систем и переход к более простым формам регуляции телесных функций. *Третий вариант* представлен искажением системы психологического опосредования телесного опыта и может проявляться в ценностном, смысловом и/или когнитивном плане.

Стиль воспитания, супружеские взаимоотношения родителей и иные психологические характеристики семьи имеют определяющее значение для онтогенеза детской телесности. Дисфункциональная семья относится к числу факторов формирования алекситимии, искаженных представлений о собственном теле, снижения ценности тела. В свою очередь, перечисленные явления лежат в основе психосоматических заболеваний, нарушений пищевого поведения и полоролевой идентичности, а также повышают риск бытового травматизма, суицидального поведения и иных форм аутодеструктивной активности [1; 5; 15].

Учитывая вышесказанное, социализацию телесной сферы ребенка можно назвать одним из важных объектов внимания психолога, участвующего в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе. Представления об онтогенезе телесности в норме и патологии уточняют стратегию работы психолога-эксперта при формулировании ответов на вопросы об уровне и особенностях психического развития ребенка, усвоении ребенком основных норм поведения и т. п. [11].

Целью эмпирического исследования, результаты которого будут представлены ниже, стало описание особенностей социализации телесной сферы подростков в условиях такой значимой для семьи правовой ситуации, как развод родителей. Было выдвинуто предположение о том, что у подростков, родители которых переживают развод, процесс социализации телесности нарушается по типу задержки (ретардации).

Материалы и методы исследования

Исследование было организовано на базе Центра по проведению судебных экспертиз и исследований АНО «Судебный эксперт».

Основную группу составили семь семей, которые переживали период развода и проходили экспертизу детско-родительских отношений в судебном и досудебном порядке (14 родителей в возрасте 32–49 лет и 8 подростков – 4 мальчика и 4 девочки от 13 до 15 лет). В шести семьях воспитывались и младшие дети, которые не могли быть включены в исследовательскую группу. Четверо обследованных подростков проживали с матерями и младшими сиблингами отдельно от отцов, двое – с отцами; в одной семье было двое подростков, принявших участие в исследовании: в период проведения экспертизы девочка (13 лет) проживала с матерью, мальчик (14 лет) – с отцом.

В контрольную группу вошли семь полных семей с благополучными супружескими отношениями (14 родителей в возрасте 35–53 лет и 8 подростков – 3 мальчика и 5 девочек от 13 до 15 лет).

Решение основных исследовательских задач предварялось оценкой особенностей психической деятельности отцов и матерей на предмет выявления патопсихологических симптомокомплексов, которые могли бы повлиять на интерпретацию конкретных диагностических данных и составление целостной картины происходящего в семьях. Применялись методики «Заучивание 10 слов», «Исключение лишнего», «Толкование пословиц и метафор», «Корректирующая проба Бурдона», «Простые аналогии», «Пиктограммы», «Отсчитывание» [9].

С целью уточнения информации о содержании и динамике супружеского конфликта в каждом случае проводилась беседа с взрослыми членами семей. Оценка типов родительского воспитания проводилась с помощью опросника Э.Г. Эйдмиллера и

В.В. Юстицкиса [14]. Полученные данные были дополнены результатами опросника «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера в модификации З. Матейчика и П. Ржичана [12].

Для исследования социализации телесной сферы подростков применялись методики «Объем и структура интрацептивного фона» Г.Е. Рупчева [10], «Шкала оценки кожи» и «Форма тела» Д.А. Бесковой [2]. Сравнение диагностических данных, полученных в основной и контрольной группах, осуществлялось с помощью U-критерия Манна–Уитни.

Анализ и интерпретация результатов исследования

Применение патопсихологического инструментария показало, что матери и отцы, которых мы предполагали привлечь к участию в исследовании, имеют нормативные характеристики психической деятельности и могут быть включены в выборку.

Беседа с родителями обнаружила сходство динамики супружеских конфликтов в семьях из основной группы. Опишем наиболее типичный сценарий. Конфликт зарождался, когда ребенок находился в младшем дошкольном возрасте, что совпадает по срокам с переходом от первой стадии социализации телесной сферы ко второй. Далее наблюдалась эскалация напряженности, после чего под воздействием мотива сохранения семьи «ради ребенка» конфликт выходил на плато. Ребенок в это время учился в начальной школе или переходил в среднюю (третья стадия социализации телесной сферы).

Позднее взаимные претензии супругов все же приводили к решению о расторжении брака, и вставал вопрос об определении места жительства ребенка. К этому времени ребенок достигал подросткового возраста, когда разворачиваются процессы четвертой стадии социализации телесной сферы. Таким образом, психосоматическое развитие подростков из основной группы происходило на фоне, по меньшей мере, двух остро негативных моментов в жизни семьи, хронологически соответствующих переходам от телесного симбиоза к репрезентациям и, далее, от гностических действий к рефлексии.

Согласно опроснику Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса, разводящиеся родители чаще реализуют неустойчивый ($U=44$, $p \leq 0,05$), потворствующий ($U=44,5$, $p \leq 0,05$) и доминирующий ($U=45$, $p \leq 0,05$) типы воспитания (рис. 1). При этом неустойчивый тип более характерен для женщин, доминирующий – для мужчин. В контрольной группе, напротив, по большей части присутствуют гармоничные типы, совпадающие у отцов и матерей.

Добавим, что в семьях, проходивших экспертизу, зафиксированы достоверно более высокие показатели по шкале вынесения конфликта между супругами в детско-родительскую сферу ($U=42$, $p \leq 0,05$). Таким образом, можно предположить, что типы родительского воспитания в основной группе опосредуют влияние супружеских конфликтов на развитие детей.

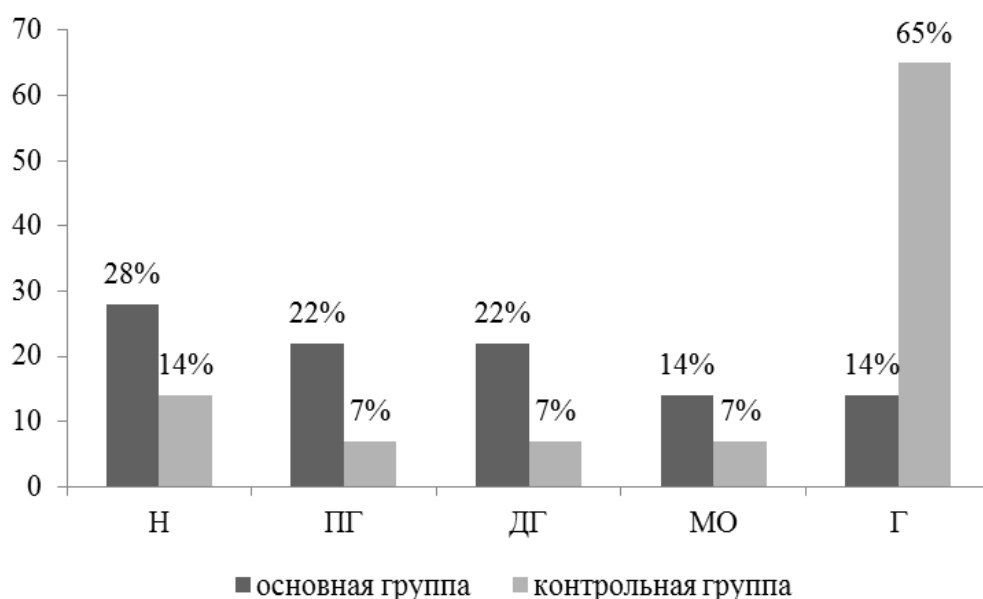

Рис. 1. Процентное соотношение типов родительского воспитания в основной и контрольной группах. Типы родительского воспитания: Г – гармоничный, Н – неустойчивый, ПГ – «потворствующая гиперопека», ДГ – «доминирующая гиперопека», МО – «моральная ответственность»

Анализ результатов, полученных с помощью опросника З. Матейчика, П. Ржичана показал, что восприятие существующего типа воспитания родителями и подростками в существенной мере совпадает, и это характерно для всех обследованных семей.

Табл. 1 позволяет увидеть, что по фактору позитивного интереса при оценке всех типов воспитания, за исключением потворствующей гиперопеки, в обеих группах испытуемых получены несколько заниженные показатели. При этом межгрупповые различия по факторам директивности, враждебности и автономности попали в зону статистической значимости.

Таблица 2

Результаты сравнения групп по факторам восприятия подростками различных типов родительского воспитания

Факторы восприятия	Типы родительского воспитания в основной группе					Типы родительского воспитания в контрольной группе					Значения U-критерия Манна-Уитни (p≤0,05)
	Г	Н	ПГ	ДГ	МО	Г	Н	ПГ	ДГ	МО	
Позитивный интерес	3	2,2	3,6	2,2	2,5	3,1	2	4	3	4	95
Директивность	3	2,2	1,3	4,5	4,5	2,4	2,6	1	4	4	65
Враждебность (эмоционально)	2,5	3,4	3,6	3,7	4,5	1,6	3,3	3	4	4	63

е отвержение)											
Автономность	1,5	3,8	2,3	4,5	4,5	2,4	3,6	1	4	4	65
Непоследовательность	2	4,4	2,3	1,7	4	1,3	4	2	1	4	78

Примечание: в правом столбце таблицы курсивом выделены статистически значимые показатели, полужирным шрифтом – незначимые

Отметив, что у подростков из семей с благополучными супружескими отношениями распределение исследуемых факторов носит более равномерный характер, перейдем к характеристике восприятия подростками отдельных типов родительского воспитания.

Подростки, воспитываемые в полных семьях, оценивают *гармоничный тип воспитания* как менее директивный, отвергающий, неопределенный и автономный (по сравнению со сверстниками, родители которых разводятся). При наличии гармоничного типа воспитания позитивный интерес, проявляемый родителями к подросткам, находится на достаточно высоком уровне вне зависимости от особенностей супружеских взаимоотношений. Папы и мамы воспринимаются подростками как имеющие устойчивые принципы воспитания, в меру принимающие и строгие, активно участвующие в жизни подростка и семьи в целом, однако не нарушающие при этом эмоционально-личностных границ детей. Гармоничный тип воспитания существенно отличается от любого другого для подростков из обеих групп (в особенности по фактору враждебности), и лишь по фактору автономности он приближается к потворствующему типу.

Неустойчивый тип воспитания определяется подростками как неопределенный и обособленный, а общее отношение родителей оценивается в этом случае скорее как попустительское, чем как строгое и контролирующее.

Воспитание по типу «доминирующей гиперопеки» воспринимается как максимально контролирующее, эмоционально и личностно обособленное. Подростки из соответствующих семей ощущают постоянное давление родительского контроля, при этом личность мамы/папы для них остается непонятной, а интерес взрослых к себе они воспринимают как формальный. Интересно, что принципы воспитания как таковые оцениваются подростками как вполне ясные и стабильные.

«Потворствующая гиперопека» выступает для подростков как устойчиво недирективный тип воспитания (что особенно свойственно основной группе), реализуемый эмоционально и личностно принимающими взрослыми, высоко заинтересованными в своих детях. При этом личности родителей представляются подросткам упрощенными, недостаточно авторитетными, и это ярче всего проявляется в спокойные, благополучные периоды жизни семьи.

Наиболее негативно подростки оценивают воспитание по типу *«моральной ответственности»*. Родители кажутся им эмоционально отвергающими, личностно обособленными, но в то же время чрезмерно строгими и проявляющими повышенный интерес к жизни детей в повседневных ситуациях. При этом такое воспитание воспринимается подростками как неоправданное и неустойчивое.

Итак, максимально директивными для всех обследованных подростков оказались такие типы воспитания, как «доминирующая гиперопека» и «моральная ответственность». Наиболее стабильна и понятна гиперопека (как потворствующая, так и доминирующая), а «моральная ответственность» и неустойчивый тип воспитания обладают противоположными характеристиками.

Методика Д.А. Бесковой «Шкала оценки кожи» позволила описать такие особенности телесной сферы подростков, как степень здоровья внешней границы телесности, принятие и контролирование собственного тела, сформированность и восприимчивость телесной границы.

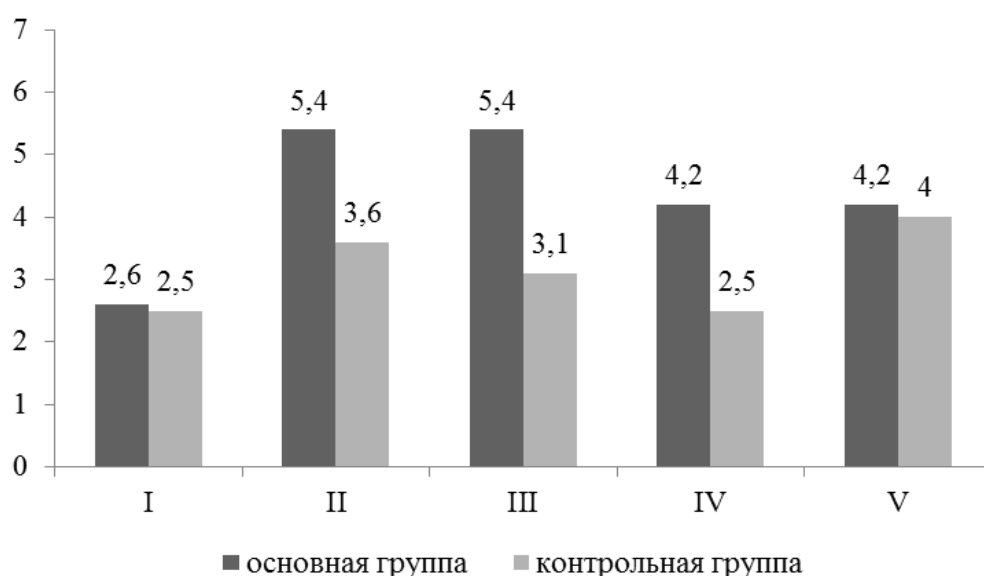

Рис. 2. Соотношение средних значений по шкалам оценки границы телесности в основной и контрольной группах. Обозначения шкал, характеризующих границу (оболочку) телесности: I – «здоровая–патологическая», II – «принимаемая–отчуждаемая», III – «изолирующая–проницаемая», IV – «поврежденная–сформированная»; V – «гиповосприимчивая–гипервосприимчивая»

В основной группе, в отличие от контрольной, обнаружены завышенные показатели по шкалам отчужденности, проницаемости и сформированности; межгрупповые различия достоверны ($U=7,5$; $2,5$ и $8,5$ соответственно при $p \leq 0,05$). Что же касается уровня восприимчивости телесной границы, то он оказался одинаково завышенным в обеих группах, и это можно объяснить естественными психосоматическими особенностями подросткового периода. С другой стороны, все обследованные подростки вне зависимости от семейной ситуации оценивают свою телесность как здоровую, что отражают показатели по соответствующей шкале.

Если у подростков, воспитывавшихся в полных семьях, отмечается нормальное формирование границ телесности, то у тех, чьи родители переживали развод, можно заметить ряд отклоняющихся особенностей. В частности, тело воспринимается как не защищающее внутреннее пространство, подверженное сторонним влияниям, плохо контролируемое, сдерживающее самостоятельную активность. Все три основных функции границы телесности (защита, контроль, коммуникация) у подростков из основной группы обнаруживают недостаточность (рис. 2). Таким образом, налицо признаки ретардации

формирования устойчивой границы телесности на фоне неблагоприятного типа воспитания и тяжелой семейной ситуации.

Тест «Форма тела» показал значимо более выраженное взаимное несоответствие выборов идеальной фигуры и фигуры, идентифицируемой со своим собственным телом, у подростков из основной группы в сравнении с контрольной ($U=2,5, p \leq 0,05$). Эта особенность телесной самоидентификации может рассматриваться в терминах ретардации, темповой задержки, поскольку она свойственна скорее стадии гностических действий, чем стадии рефлексии.

Подростки из основной группы выбирают в первой четверке эталоны, соответствующие таким параметрам телесной сферы, как нарушение границ телесности, слитность внутреннего и внешнего пространства, гипертворчивость, зависимость от внешних влияний. Фигура, символизирующая отчуждение собственного Я, внутреннюю пустоту, располагается часто в первой половине ряда. Это связано, по-видимому, с переосмыслением своего положения в семье, переживающей период развода, и окружающей социальной действительности в целом. Значимые межгрупповые различия при более благоприятной картине в контрольной группе обнаружены по показателям коммуникативности и контролируемости телесности ($U=8; 7,5, p \leq 0,05$). Все фигуры имеют границы, что говорит о нормативном освоении подростками первых двух стадий социализации телесности. Фигуры с устойчивыми характеристиками телесной сферы частично вытесняются подростками из основной группы в конец ряда, тогда как контрольная группа отдает предпочтение фигурам с устойчивыми границами (т. е. менее проницаемым и уязвимым). Тем не менее, межгрупповые различия по этому параметру не обнаруживают статистической значимости.

Для оценки интрацептивного словаря использовалась методика «Объем и структура интрацептивного фона» Г.Е. Рупчева. В основной группе подростки для описания своего актуального состояния почти не используют метафоры, отдавая предпочтение словам, непосредственно отражающим телесные ощущения и психические состояния. Актуальный интрацептивный словарь является более обширным по сравнению с таковым у сверстников из благополучных семей (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение общего количества дескрипторов актуального психосоматического состояния в основной и контрольной группах

Классы дескрипторов	Основная группа	Контрольная группа	Значения U-критерия Манна-Уитни ($p \leq 0,01$)
«Метафоры-телесные-психические»:	1±1	2±1	5
• метафоры (11);	4±1	2,5±0,5	4
• телесные ощущения (41);	4±1	4±1	16
• психические состояния (28)			

«Конкретные-диффузные»:			
• конкретные (44);	4±1	2±1	3
• диффузные (36)	5±1	5±1	26,5
«Частотность»:			
• высокочастотные (48);	7±1	5±1	7
• среднечастотные (18);	1,5±0,5	2±1	20
• низкочастотные (14)	1±1	0,5±0,5	8,5

Примечание: в правом столбце таблицы курсивом выделены статистически значимые показатели, полужирным шрифтом – незначимые.

Подростки, родители которых разводятся, полнее характеризуют свое состояние, заостряя внимание в основном на телесных проявлениях, и более активно используют конкретные высокочастотные понятия. Однако в их описаниях часто встречаются противоположные составляющие, что указывает на неустойчивое психосоматическое состояние и избыточную аффективную окрашенность суждений. Общий объем интрацептивного словаря в группах существенно не различается (в том числе, по количеству метафор, низкочастотных, диффузных и конкретных дескрипторов). Подростки из семей, проходящих экспертизу, обладают потенциальной возможностью перехода на завершающую стадию социализации телесной сферы (стадию рефлексии), хотя в своем актуальном состоянии и не применяют соответствующих дескрипторов, как это делают их сверстники из полных семей.

Обобщая полученные данные, можно сказать, что показатели психосоматического развития представителей нашей выборки в основном соответствуют возрастным нормативам или находятся на нижней границе нормы. Все обследованные подростки вне зависимости от особенностей семейного окружения находятся в состоянии перехода от стадии гностических действий к заключительной, рефлексивной, стадии социализации телесной сферы. Об этом свидетельствует наличие формирующихся компонентов стадии гностических действий (коммуникативность и контроль телесных феноменов и актов) в основной группе и полностью сформированного компонента рефлексивной стадии – в контрольной.

Подростки из подэкспертных семей не владеют «метафорическим языком» телесности; они находятся в процессе активного анализа собственных телесных феноменов, и этот процесс вербализуется ими с преобладанием конкретных понятий над обобщенными. Кроме того, в основной группе обнаружены отклоняющиеся особенности такого базового компонента телесности, как лабильность границ. Границы гиперпроницаемы и не полностью защищают подростков от воздействий извне, что затрудняет выстраивание эффективной коммуникации с внешним миром и контролирование своих телесных актов. Соответственно, у подростков нет возможности своевременно и успешно осваивать завершающую, рефлексивную, стадию социализации телесности. Отрефлексирование феноменов тела носит конкретный, аффективно направленный характер; «метафорический

язык» телесности формируется на потенциальном уровне, но совершенно не используется для описания актуального состояния.

Выводы

1. Заострение патогенных тенденций родительского воспитания в период развода (появление чрезмерно строгих требований, эмоциональное отвержение подростка, личностная отстраненность отца и матери) препятствует полноценному формированию телесности подростка. Наибольшую опасность в этом отношении представляет воспитание по типу моральной ответственности и доминирующей гиперопеки.

2. Для подростков 13–15 лет вне зависимости от семейной ситуации характерен переход социализации телесности от стадии гностических действий к стадии рефлексии. Для этого возраста нормальным следует считать неполную сформированность коммуникативности и контроля телесных феноменов (третья стадия социализации телесной сферы), а также «метафорического языка тела» (четвертая стадия).

3. У подростков из подэкспертных семей, в отличие от сверстников, воспитывающихся в полных семьях с благополучными супружескими отношениями, происходит нарушение формирования телесности по типу задержки (ретардации). Индивидуальный уровень телесности характеризуется функциональной недостаточностью такого компонента, как «лабильность границ телесности», на социальном же уровне наименее сформированными оказываются рефлексивная и метафорическая составляющие.

Заключение

Являясь основным источником и полем онтогенеза телесности ребенка, семья оказывается сегодня в фокусе внимания не только специалистов в области психосоматики или телесно-ориентированной терапии, но и психологов-экспертов. Знание механизмов, периодизации и критериев нормативного формирования различных компонентов телесной сферы в семейном контексте имеет большое значение для экспертной практики.

Результаты описанного эмпирического исследования задают вектор дальнейшего изучения семейных детерминант формирования отдельных компонентов телесной сферы подростка. Полученные данные указывают на необходимость уточнения возрастных границ стадии гностических действий и рефлексивной стадии социализации телесной сферы, а также критериев перехода от одной стадии к другой. Кроме того, представляется важным дифференцировать типы воспитания по особенностям их влияния на телесность подростка и более детально соотнести между собой в этом аспекте объективно существующие родительские стратегии и субъективное восприятие таковых подростком.

Литература

1. *Арина Г.А., Мотовилин О.Г.* Становление представлений ребенка о своем теле как феномен культурного развития // *Материалы I международной конференции памяти Б.В. Зейгарник.* М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 46–55.
2. *Бескова Д.А.* Клинико-психологические характеристики внешней и внутренней границ телесности. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006. 221 с.
3. *Бескова Д.А., Тхостов А.Ш.* Телесность как пространственная структура // *Междисциплинарные проблемы психологии телесности / Под ред. В.П. Зинченко, Т.С. Леви.* М.: АСТ, 2005. С. 236–252.
4. *Бугаева Н.А.* Телесность человека в социокультурном контексте современности: автореф. ... канд. филос.наук. – Челябинск, 2012. 25 с.
5. *Гарбузов В.И.* Воспитание ребенка в семье. Советы психотерапевта. М.: КАРО, 2006. 241 с.
6. *Ложкин Г.В., Рождественский А.Ю.* Феномен телесности в Я-структуре старшеклассников и содержании их жизненных проектов // *Психологический журнал.* 2004. № 2. С.27–33.
7. *Николаева В.В.* От традиционной психосоматики к психологии телесности // *Вестник МГУ. Серия 14. Психология.* 1996. № 2. С.8–18.
8. *Николаева В.В., Арина Г.А.* Психология телесности: методологические принципы и этапы клинико-психологического анализа // *Психология телесности. Между душой и телом / Под ред. В.П. Зинченко, Т.С. Леви.* М.: АСТ, 2007. С. 222–235.
9. *Рубинштейн С.Я.* Экспериментальные методики патопсихологии. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2010. 448 с.
10. *Рупчев Г.Е.* Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации: на модели соматоформных расстройств: автореф. ... канд. психол. наук. М., 2001. 128 с.
11. *Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
12. *Сонин В.А.* Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПОР; Е. Шафер) // *Психодиагностическое познание профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Сониной.* СПб.: Речь, 2004. С. 169–178.
13. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 245 с.

14. *Эйдемиллер Э.Г.* Методы семейной диагностики и психотерапии: Методическое пособие. М.: Фолиум, 1996. 48 с.
15. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В.* Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2009. 672 с.

The study of bodily socialization of adolescents, whose families are experiencing divorce

Chechulina A.E., Undergraduate, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (ana-tan@mail.ru)

Lukovtseva Z.V., Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (sverchokk@list.ru)

The article presents the results of a study of the sociogenesis of corporeality adolescents whose parents are in high conflict relationships and experiencing divorce. The main group consisted of families that have undergone the examination of parent-child relations in the Centre for forensic examinations and studies, the control group – families with prosperous spousal relationship (a total of 28 parents and 16 adolescents aged 13-15 years). To assess qualitative and quantitative characteristics of the bodily sphere of the adolescents used the methodology of "the Volume and structure intercepting background", "Scale of assessment of skin" and test "body Shape", especially the parent-child relationship was assessed using questionnaires "the Behavior and attitudes of parents of adolescents to them." Statistically significant intergroup differences (U-Mann-Whitney test) on a number of parameters that characterize the bodily socialization of adolescents. Adolescents from families undergoing divorce, revealed violations of individual (lability of borders) and social (reflection, metaphoric) levels of physicality in the type of retardation.

Keywords: adolescence, the type of parental upbringing, the divorce of parents, ontogenesis of corporality, bodily socialization sphere, retardation.

References

1. *Arina G.A., Motovilin O.G.* Stanovlenie predstavlenij rebenka o svoem tele kak fenomen kul'turnogo razvitija // Materialy I mezhdunarodnoj konferencii pamjati B.V. Zejgarnik. M.: Izd-vo MGU, 2001. S. 46–55.
2. *Beskova D.A.* Kliniko-psihologicheskie harakteristiki vneshnej i vnutrennej granic telesnosti. Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2006. 221 s.
3. *Beskova D.A., Thostov A.Sh.* Telesnost' kak prostranstvennaja struktura // Mezhdisciplinarnye problemy psihologii telesnosti / Pod red. V.P. Zinchenko, T.S. Levi. M.: AST, 2005. S. 236–252.
4. *Bugaeva N.A.* Telesnost' cheloveka v sociokul'turnom kontekste sovremennosti: avtoref. ... kand. filos.nauk. – Cheljabinsk, 2012. 25 s.

5. *Garbuzov V.I.* Vospitanie rebenka v sem'e. Sovety psihoterapevta. M.: KARO, 2006. 241 s.
6. *Lozhkin G.V., Rozhdestvenskij A.Ju.* Fenomen telesnosti v Ja-strukture starsheklassnikov i sodержanii ih zhiznennyh proektov // Psihologicheskij zhurnal. 2004. № 2. S.27–33.
7. *Nikolaeva V.V.* Ot tradicionnoj psihosomatiki k psihologii telesnosti // Vestnik MGU. Serija 14. Psihologija. 1996. № 2. S.8–18.
8. *Nikolaeva V.V., Arina G.A.* Psihologija telesnosti: metodologicheskie principy i jetapy kliniko-psihologicheskogo analiza // Psihologija telesnosti. Mezhdudushoj i telom / Pod red. V.P. Zinchenko, T.S. Levi. M.: AST, 2007. S. 222–235.
9. *Rubinshtejn S.Ja.* Jeksperimental'nye metodiki patopsihologii. M.: Izd-vo In-ta psihoterapii, 2010. 448 s.
10. *Rupchev G.E.* Psihologicheskaja struktura vnutrennego telesnogo opyta pri somatizacii: na modeli somatofornnyh rasstrojstv: avtoref. ... kand. psihol. nauk. M., 2001. 128 s.
11. *Safuanov F.S., Haritonova N.K., Rusakovskaja O.A.* Psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza po sudebnym sporam mezhdudoditeljami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka. M.: Genezis, 2011. 192 s.
12. *Sonin V.A.* Oprosnik «Povedenie roditelej i otnoshenie podrostkov k nim» (POR; E. Shafer) // Psihodiagnosticheskoe poznanie professional'noj dejatel'nosti / Pod red. V.A. Sonina. SPb.: Rech', 2004. S. 169–178.
13. *Thostov A.Sh.* Psihologija telesnosti. M.: Smysl, 2002. 245 s.
14. *Jejdemiller Je.G.* Metody semejnoj diagnostiki i psihoterapii: Metodicheskoe posobie. M.: Folium, 1996. 48 s.
15. *Jejdemiller Je.G., Justickij V.V.* Psihologija i psihoterapija sem'i. SPb.: Piter, 2009. 672 s.

К проблеме психологического определения понятия «Юридически значимые ситуации»

Богданович Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, Московский городской психолого-педагогический университет (bogdanovichnv@mgppri.ru)

Делибальт В.В., доцент кафедры юридической психологии и права, Московский городской психолого-педагогический университет (delibalt@yandex.ru)

Дегтярев А.В., старший преподаватель кафедры юридической психологии и права, Московский городской психолого-педагогический университет (art_milk@mail.ru)

В статье проводится анализ понятия «юридически значимая ситуация». Рассматриваются классификации ситуаций с точки зрения криминологии и судебно-психологической экспертизы. Выделяются основные признаки данного типа ситуаций с точки зрения психологии: конфликтный характер, предполагающий участие третьих лиц, а также наличие определенных психологических последствий. Это позволяет описать определенный генез ситуаций, а также определить состояния, порождаемые на каждой стадии. Также отмечается, что спецификой юридически значимой ситуации с участием несовершеннолетнего является ее групповой характер (ребенок как часть семейной или иной группы).

Таким образом, можно дать следующее определение юридически значимой ситуации в рамках юридической психологии детей и подростков: это ситуация с участием несовершеннолетнего, субъекты которой находятся в отношениях, обусловленных конфликтным взаимодействием в правовом контексте, что приводит не только к юридически значимым, но и к психологическим последствиям для ее участников.

Ключевые слова: юридические понятия, ситуация, юридически значимая ситуация, виды ситуаций, юридические факты, юридически значимое действие, конфликт, психологические последствия, проблемные, кризисные и критические ситуации, несовершеннолетний, закон.

Для цитаты:

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярев А.В. К проблеме психологического определения понятия «Юридически значимые ситуации» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С.29-36.

doi: 10.17759/psylaw.2015050303

For citation:

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. The problem of a psychological definition of "Legally relevant situations" [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp.29-36
doi: 10.17759/psylaw.2015050303

На данный момент многие юридические понятия, используемые в современном законодательстве, требуют осмысления со стороны смежных наук для использования их в практике специалистов различных областей, работающих с клиентами в правовом контексте. Одним из таких понятий является дефиниция «юридически значимая ситуация» [1].

Контекст, задаваемый этим термином, ясен. Любая часть нашей реальности может быть описана с помощью норм разного уровня в типовом и обобщенном виде, поэтому каждая ситуация может быть определена как юридическая, но возникает вопрос, как определять понятие «ситуации» и ее значимость.

С точки зрения криминологии, ситуация — это «некоторая совокупность фактических обстоятельств, между которыми существует причинная, временная, пространственная или иная связь и которые в силу этой связи образуют целостную систему элементов» [4].

Криминологи выделяют три вида ситуаций: предкриминальную, собственно криминальную и посткриминальную.

Предкриминальная ситуация (объективно складывающаяся или осознанно формируемая преступником), характеризует условия и обстоятельства, взаимодействующие в период подготовки к преступлению и определяет направленность и способ такой подготовки. Криминальная ситуация характеризует обстановку совершения преступления как один из важных элементов криминалистической характеристики преступления. Посткриминальная ситуация описывает условия, в которых осуществляются способы уклонения субъектов преступления от уголовной ответственности и применяются меры противодействия расследованию.

Также выделяются криминалистические ситуации, которые в свою очередь можно разделить на следственные, оперативно-розыскные и экспертно-криминалистические. Каждая из них характеризует условия, в которых осуществляется соответствующий вид деятельности в какой-то конкретный момент.

Несмотря на то, что данное определение ситуации находится в рамках криминологии, его можно распространить на все сферы юриспруденции.

Значимость же ситуаций определяется в юриспруденции наличием юридических фактов, под которыми «понимаются предусмотренные в законе обстоятельства, являющиеся основанием для возникновения (изменения, прекращения) конкретных правоотношений» [8].

Также в праве выделяется понятие юридически значимого действия, определяемое как действие «...получившее оценку в правовых предписаниях, внешне выраженное в телодвижениях, активное проявление воли человека, совершаемое с использованием

определенных средств и способов, влекущее или способное повлечь юридически значимые последствия» [9].

Для нас важно определить, какое психологическое содержание несет (и несет ли) понятие юридически значимой ситуации, и, особенно, в отношении несовершеннолетних.

Т.С. Волчецкая определяет ситуацию как совокупность условий и обстоятельств, оцениваемую субъектом для принятия решения по ее оптимальной трансформации (в том числе приводящую к совершению действий на основе аффективной реакции или влияния других значимых лиц) [3].

Анализ литературы показал, что определение понятия юридически значимой ситуации дается лишь в рамках судебной экспертизы. Ю.Л. Метелица и С.Н. Шишков, показывают, что «...при судебно-экспертном исследовании объектом исследования являются особенности психики человека не вообще, а только в юридически значимых ситуациях, под которыми понимаются юридически значимые периоды времени или ситуации, в которых разворачивается та или иная психическая деятельность подэкспертного лица, оцениваемая с позиции разных юридических критериев» [10].

Ценным в данном определении является то, что в нем вводится понятие особенностей психической деятельности, причем только подэкспертного лица, однако психологическая специфика самой ситуации в нем не раскрывается (при этом дифференциация юридически значимых ситуаций заимствована из криминологии).

С нашей точки зрения, любая юридически значимая ситуация является, во-первых, конфликтной. По определению Н.В. Гришиной, конфликт — это «...биполярное явление — противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами)». Основным достоинством ее подхода является то, что «...мы перестанем воспринимать конфликт как угрозу и начнем относиться к нему как к сигналу, говорящему о том, что надо что-то изменить» [5].

Данное свойство юридической ситуации признается и юристами: «Под юридической ситуацией предложено понимать случайно сложившуюся в определенных условиях места и времени единую, целостную, относительно стабильную совокупность обстоятельств, которая подлежит определенному правовому разрешению, носит предположительный характер, характеризуется повторяемостью и конфликтностью» [12].

В ней всегда предполагается участие третьих лиц – т. е. виртуально или реально присутствуют представители правоохранительных органов. Как замечает В.Н. Кудрявцев: «В динамике юридического конфликта большую роль играет вмешательство третьей стороны — государственного правоприменительного (правоохранительного) органа, который будет разбирать конфликт и принимать по нему решение. <...> Такая третья сторона, если сразу и не присутствует в конфликте, то, во всяком случае, всегда “вырисовывается на горизонте”. Известно, что существует и такая точка зрения, что все правоотношения являются трехсторонними: помимо прямых участников в них состоит и публичная власть, регулирующая течение событий путем соответствующего контроля или, в случае необходимости, властного вмешательства в отношения сторон (эта конструкция, несомненно, имеет основания в уголовном или гражданском судопроизводстве, где кроме истца и ответчика, потерпевшего и обвиняемого действует государственный орган — суд)» [6].

Во-вторых, любая юридически значимая ситуация имеет психологические последствия. Причем для определения последствий в уголовном процессе важно: это лицо,

активно действующее (правонарушитель), пассивно действующее (потерпевший или жертва) или нейтральное (свидетель — очевидец, который присутствовал при конфликтной ситуации, или не очевидец, просто знакомый с участниками конфликта). Для гражданского процесса также имеет значение наличие психологических последствий для участников юридически значимой ситуации, например, для ребенка в случаях решения вопроса о его дальнейшем жизнеустройстве.

Можно рассматривать правонарушения как проблемы правового поля, порождающие проблемные, кризисные и критические ситуации, которые можно дифференцировать по параметру психологических последствий для субъекта.

Проблемные ситуации — это содержащее противоречие и не имеющее однозначного решения соотношение обстоятельств и условий социальной среды, в которых разворачивается деятельность индивида или группы.

Кризисные ситуации занимают промежуточное положение и определяются нами как ситуации, приводящие к возникновению состояний, при которых невозможно дальнейшее функционирование личности в рамках прежней модели поведения.

Критической ситуацией мы будем называть ситуацию, в которой человек сталкивается с угрозой (объективной либо субъективной) для жизни, в отличие от точки зрения Ф.Е. Василюка, который определяет ее так: «...ситуация, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.)» [2].

Основу для дифференциации описанных выше ситуаций представляют состояния, которые являются их последствиями. Так, на стадии проблемной ситуации преобладает состояние стресса, что понимается как неспецифический ответ организма на любое предъявление ему требования (Г. Селье) [11]. Стадия кризисной ситуации сопровождается фрустрацией, т. е. одной из форм стресса, которая определяется как специфическое эмоциональное состояние, возникающее в тех случаях, когда человек на пути достижения цели сталкивается с препятствиями, которые или реально не преодолимы, или воспринимаются как таковые [7]. И последняя ситуация — дистресса (травмы), способная привести к посттравматическому стрессовому расстройству – психологическому состоянию, возникающему в результате интенсивного воздействия неблагоприятных факторов среды или остроэмоциональных, стрессовых воздействий других людей на его психику, которое выходит за пределы обычного человеческого опыта и угрожает физической целостности.

Генез ситуаций может проходить в двух вариантах: первый вариант – поступательного нарастания от проблемной ситуации к кризисной, а затем к критической. Такой генезис обусловлен как действием внешних факторов (например, увеличением интенсивности действия стимула), так и внутренних (дефицит ресурсов – например, депрессия, усталость и т. д.). Второй вариант, когда ситуации развиваются не последовательно, а сразу возникают ситуации кризиса или угрозы жизни.

Особенностью юридически значимых ситуаций, в которых участвуют несовершеннолетние, является то, что ребенок в такой ситуации не может быть один. Он всегда выступает как часть группы, например, семейной. И ответственность в этой группе разделена, но не прямо. Можно выделить несколько позиций ребенка в данном процессе: 1) лидирующая, когда ребенок выступает как субъект юридически значимой ситуации (и это касается не только самой конфликтной ситуации, но и процесса, следующего за ней – допроса, суда и т. д.); 2) опосредованная, когда несовершеннолетний попадает в юридически значимую ситуацию из-за действий других лиц (например, родителей в ситуации развода).

Обычно ребенок попадает в поле зрения правоохранительных органов уже после совершения правонарушения, но правонарушение часто возможно предотвратить, используя, к примеру, специальные технологии, под которыми (в психологии) мы понимаем совокупность психологической и психосоциальной помощи детям и подросткам, находящимся в юридически значимых ситуациях, а именно, спектр возможностей эффективного разрешения юридически значимых ситуаций с участием несовершеннолетних и семей, а также пути и средства (в контексте оказания комплексной помощи) для достижения этих возможностей.

Таким образом, можно дать следующее психологическое определение юридически значимой ситуации – это ситуация с участием несовершеннолетнего, субъекты которой находятся в отношениях, обусловленных конфликтным взаимодействием в правовом контексте, что приводит не только к юридически значимым, но и к психологическим последствиям для ее участников.

Литература

1. *Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В.* К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. №2. С. 1–14. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml (дата обращения: 12.09.2015).
2. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
3. *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия: монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. М.: Калинингр. ун-т; Калининград, 1997. 248 с.
4. *Волчецкая Т.С.* Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учеб. Пособие. Калинингр. ун-т. Калининград, 1999. 73 с.
5. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 538 с.
6. *Кудрявцев В.Н.* Юридическая конфликтология. М.: Наука, 2000. 501 с.
7. *Общая психология* / Под ред. М.В. Гамезо. М.: Ось-89, 2007. 352 с.
8. *Прикладная юридическая психология* / Под ред. А.М. Столяренко М.: Юнити, 2001. 639 с.
9. *Прусаков А.Д.* Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 32 с.
10. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Гардарика, Смысл, 1998. 192 с.
11. *Селье Г.* Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 128 с.
12. *Шипунов И.В.* Юридическая ситуация как общетеоретическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 24 с.

The problem of a psychological definition of "Legally relevant situations"

Bogdanovich N. V., Associate Professor, Chair of Forensic Psychology, Department of Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (bogdanovichnv@mgppu.ru)

Delibalt V.V., Lecturer, Department of Juridical Psychology, Faculty of Juridical Psychology, Head of Laboratory of Juvenile technologies, Moscow State University of Psychology and Education (delibalt@yandex.ru)

Degtyarev A.V., junior researcher, laboratory for juvenile technologies , PhD student, chair of legal psychology, department of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (art_milk@mail.ru)

The article analyzes the concept of "legally significant situation." Discusses the classification of situations from the point of view of criminology and forensic psychological assessment. Highlights the main features of this type of situations from the point of view of psychology: the nature of conflict, involving the participation of third parties, as well as the presence of certain psychological consequences. This allows to describe the Genesis of certain situations, and to identify the States generated at each stage. It is also noted that the specificity of the legally significant cases involving minors is its group nature (the child as part of a family or other group). Thus, it is possible to give the following definition of a legally relevant situation within legal psychology, children and adolescents: a situation involving minors, subjects who are in relationships, conflict is caused by interactions in the legal context, which leads not only to legally relevant, but also to the psychological consequences for its participants.

Keywords: the legal concepts the situation, a legally meaningful situation, the types of situations the legal facts, legally significant action, the conflict, the psychological effects, problem, crisis and critical situation of minors, the law.

References

1. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. K voprosu obosnovaniya modeli professional'noj dejatel'nosti [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2012. №2. S. 1-14. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml (data obrashhenija: 12.09.2015).
2. Vasiljuk F.E. Psihologija perezhivaniya. M.: Izd-vo MGU, 1984. 200 s.

3. *Volcheckaja T.S.* Kriminalisticheskaja situologija: monografija / Pod red. prof. N.P. Jabloкова. M.: Kaliningr. un-t; Kaliningrad, 1997. 248 s.
4. *Volcheckaja T.S.* Situacionnyj podhod v prakticheskoj i issledovatel'skoj kriminalisticheskoy dejatel'nosti: ucheb. Posobie. Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 1999. 73 s.
5. *Grishina N.V.* Psihologija konflikta. 2-e izd. SPb.: Piter, 2008. 538 s.
6. *Kudrjavcev V.N.* Juridicheskaja konfliktologija. M.: Nauka, 2000. 501 s.
7. *Obshhaja psihologija* / Pod red. M.V. Gamezo. M.: Os'-89, 2007. 352 s.
8. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* / Pod red. A.M. Stoljarenko M.: Juniti, 2001. 639 s.
9. *Prusakov A.D.* Dejstvie i bezdejstvie kak formy juridicheski znachimogo povedenija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2008. 32 s.
10. *Safuanov F.S.* Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza v ugolovnom processe. M.: Gardarika, Smysl, 1998. 192 s.
11. *Sele G.* Stress bez distressa. M.: Progress, 1979. 128 s.
12. *Shipunov I.V.* Juridicheskaja situacija kak obshheteoreticheskaja kategorija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2009. 24 s.

Психологические и клиничко-социальные характеристики пациентов, реализующих различные виды агрессии в стационаре (гендерный аспект)

Булыгина В.Г., кандидат психологических наук, руководитель лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ФМИЦ психиатрии и наркологии» МЗ РФ (ver210@yandex.ru)

Березкин А.С., кандидат медицинских наук, главный врач ГКУЗ «Психиатрическая больница № 5» (asberезkin@yandex.ru)

Козлов Т.Н., кандидат медицинских наук, заместитель главного врача по медицинской части ГКУЗ «Психиатрическая больница № 5» (tnkozlov@rambler.ru)

Макурина А.П., научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «ФМИЦ психиатрии и наркологии» МЗ РФ (anya-plyakina@yandex.ru)

В статье изложены результаты сравнительного анализа клинических, социальных и патопсихологических предикторов нарушений режимных требований, проявлений физической и вербальной агрессии у психически больных женщин и мужчин во время принудительного лечения. Выявлено, что вид реализуемой агрессии у женщин значимо чаще сопряжен с клиничко-социальными и патопсихологическими характеристиками: эмоциональной неустойчивостью, усвоенной в детском и подростковом периоде поведенческой моделью агрессии и выраженностью враждебности и подозрительности; инертностью мыслительных процессов в сочетании с низким уровнем когнитивного функционирования и нарушением критичности в широком смысле. У мужчин – с эмоциональной и личностной деформацией, отмечаемой до начала болезненного процесса; снижением когнитивного функционирования и неразвитостью всех звеньев регуляции поведения; высоким уровнем агрессивности в общении; внутренней конфликтностью в сочетании с ригидностью Я-концепции. Авторами сделан вывод, что оценка факторов риска внутрибольничной агрессии является самостоятельной психодиагностической работой, которая должна быть обеспечена специальными инструментами, направленными на изучение индивидуально-психологических характеристик регуляции поведения, стратегий совладания, коммуникативных установок и составляющих конструкта агрессии, а также субъективных оценок

социального функционирования в стационаре.

Ключевые слова: общественно опасные деяния, принудительное лечение, физическая и вербальная агрессия.

Для цитаты:

Булыгина В.Г., Березкин А.С., Козлов Т.Н., Макурина А.П. Психологические и клиничко-социальные характеристики пациентов, реализующих различные виды агрессии в стационаре (гендерный аспект). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С.37-50. doi: 10.17759/psylaw.2015050304

For citation:

Buligina V.G., Berezkin A.S., Kozlov T.N., Makurina A.P. Psychological, clinical and social characteristics of patients implementing different types of aggression in the hospital (gender aspect) [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp.37-50. doi: 10.17759/psylaw.2015050304

Введение

Прогноз и предотвращение внутрибольничной агрессии пациентов с психическими расстройствами и асоциальными формами поведения представляет серьезную клиническую задачу [3, 7]. К критериям оценки качества организации принудительного лечения в условиях психиатрического стационара традиционно относят количество побегов и число нападений больных на окружающих (персонал и других пациентов). За последние 5 лет произошло значительное (в 2, 3 раза) снижение показателя числа побегов пациентов, находящихся на принудительном лечении в психиатрическом стационаре. Однако за этот же период имеет место некоторый рост (на 4,8%) числа нападений больных на окружающих лиц: в 2010 г. в среднем 9,14 случая на 1000 больных и около 1722 случаев нападений на медицинский персонал и других пациентов в 2013 г. [9].

В процессе лечения и реабилитации больных в стационаре возникают конфликтные ситуации, связанные с поведением пациентов, нарушающих общие режимные требования. Такое поведение может негативно отразиться как на самих «нарушителях», так и на пациентах с упорядоченным поведением, оно влияет и на работу медицинских работников. Кроме того, наличие нарушений режима во время предыдущих госпитализаций, является одним из предикторов риска совершения повторных правонарушений после отмены принудительного лечения [3, 4, 10–12].

Все нарушения режимных требований можно разделить на следующие группы: агрессивные действия по отношению к медперсоналу, пациентам и окружающим предметам; отрицательное лидерство среди больных, организация групповых нарушений и побегов; стремление к наркотизации в отделении; негативное отношение к проводимому психофармакологическому лечению и психотерапии с категорическим отказом или уклонением от лечения. В большинстве случаев агрессия становится результатом конфликта пациента с персоналом или другими пациентами [5, 6, 8].

Необходимо отметить, что нарушения режима могут быть проявлением, как стойких особенностей поведения, так и кратковременных аффективных реакций. Устойчивые паттерны поведения наблюдаются на протяжении всего времени пребывания на ПЛ и «угасают» в период, предшествующий заседанию врачебной комиссии по выписке, либо при реальной угрозе возможного усиления режима наблюдения. Острые «ситуационно-спровоцированные» реакции, в основном реакции «протеста и отказа», «аутоагрессия», «эмансипация» отмечаются в первые недели госпитализации (период адаптации) и непосредственно после заседания врачебной комиссии в случае, если не было принято решение о выписке пациента [1, 2, 6, 8]. Все факторы внутрибольничной агрессии можно отнести к внешним и внутренним характеристикам самих пациентов (рис. 1).

Рис. 1. Структурная модель факторов риска внутрибольничной агрессии

Среди внешних факторов следует учитывать характеристики персонала (установки в отношении больных, коммуникативные навыки, уровень профессиональной подготовки в сфере управления агрессией), характеристики других пациентов и компонентов окружения (размер и наполненность больничных отделений, терапевтическая среда, политика дисциплинарных воздействий и др.). Среди характеристик пациенток можно выделить психопатологические, биологические, индивидуально-психологические (субъективные оценки, саморегуляция, копинг-стратегии, коммуникативные навыки, агрессивность), индивидно-типические (самоконтроль) и социально-психологические (микросоциальные) факторы.

Ниже представлена использованная в исследовании при анализе внутрибольничной агрессии схема разделения всех инцидентов на этапе стационарного принудительного лечения (рис. 2).

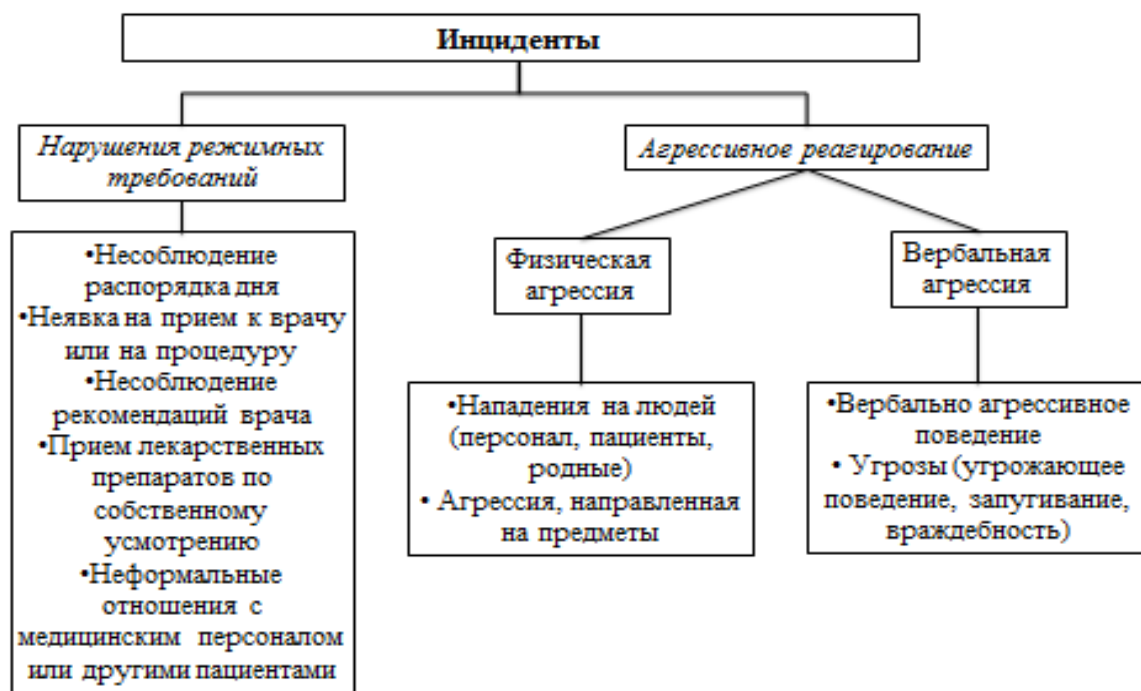

Рис 2. Схема инцидентов на этапе стационарного принудительного лечения

Идентификация факторов и предикторов агрессивного поведения пациентов судебно-психиатрических стационаров необходима для осуществления дифференцированных превентивных мероприятий в стационаре и создания соответствующих коррекционных программ [3, 6].

Материал и методы исследования. В основную группу было включено 918 пациентов, находившихся на принудительном лечении в 2004–2014 гг. (средний возраст – 39,9±11,3 лет, соотношение мужчин и женщин – 2,3:1).

Помимо стандартного патопсихологического обследования познавательных процессов (Б.В. Зейгарник, С.Я. Рубинштейн, А.Б. Холмогорова) и психологического анализа заключений экспертных комиссий применялись специфические методики. Для проведения исследования была разработана карта исследования, состоящая из 253 пунктов, которая включает в себя несколько блоков (социально-демографический, клиничко-динамический, клиничко-криминологический, социально-психологический, патопсихологический). В качестве источника сведений о пациентах использовались: истории болезни пациентов, журналы ведения психокоррекционной работы.

Методический комплекс включал: опросник «Стили саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова, Л.А. Соколова, 1989); опросник «Самоотношение» (В.В. Столин, С.Р. Пантеев, 1988); методику изучения самоконтроля (Г.Грасик, 1993); опросник А. Басса и М. Пери (адаптация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского, 2007); опросник COPE (С.С. Carver, М.Ф. Scheier, J.K. Weintraub, 1989); тест эмоционального интеллекта (Н. Холл, 1990); методика диагностики субъективных оценок различных аспектов принудительного лечения (В.Г.

Булыгина, Т.Н. Кабанова, 2011); самоотчет имеющихся проблем в социальном функционировании (СиСОП); симптоматический опросник SCL-90 L. (Derogatis, 1983).

Статистический анализ данных включал: описательные статистики и частотный анализ; t-критерий Стьюдента, сравнение групп с использованием U-критерий Манн-Whitney для независимых выборок; анализ таблиц сопряженности с использованием критерия χ^2 . Анализ производился с помощью статистического пакета SPSS 21.0 и Microsoft Office Excel 2010.

Результаты исследования. Обобщенную выборку лиц, реализующих *вербальную форму агрессии* в стационаре, значимо отличал высокий общий показатель агрессивности (0,046), «сцепленность» процессов саморегуляции (0,010), восприятие наличия эмоциональной поддержки от семьи (0,008), значительная субъективная представленность симптомов соматического неблагополучия (0,004), низкий уровень психотизма (0,030).

Пациентов, реализующих *физическую агрессию*, отличают низкий самоконтроль со склонностью к риску (0,021), раздражительностью (0,003), предпочтение физической активности (0,011) и простых задач (0,039), эгоцентризм (0,001); отсутствие в субъективном восприятии поддержки со стороны семьи (0,000) и значимых других (0,001), при низкой представленности симптомов, связанных с паранойяльными тенденциями (0,029).

Психически больных *мужчин, реализующих вербальную агрессию*, значимо отличали такие анамнестические переменные, как бессистемные родительские практики (0,02), конфликтные (0,002) и враждебные (0,004) отношения в семье; школьная дезадаптация, сопровождавшаяся конфликтами со сверстниками (0,013) и учителями (0,006). Вместе с тем была выявлена достаточная представленность среди такой категории пациентов лиц с незаконченным высшим образованием (0,03). Среди клинических переменных – экзогении в виде неоднократных черепно-мозговых травм, зависимость от алкоголя и ПАВ (0,009). Преобладали лица с диагнозом шизофрения.

Среди патопсихологических переменных эту группу отличал удовлетворительный уровень развития познавательной сферы (0,025), субъективность (0,02), своеобразность ассоциативной сферы (0,02), нарушения мотивационного аспекта мыслительной деятельности в виде резонерства (0,001).

Среди психологических переменных было выявлено сочетание высокого общего показателя агрессивности и подозрительности; дисгармоничность профиля саморегуляции (0,046), а также представленность симптомов соматического неблагополучия (0,024) при восприятии поддержки от членов семьи (0,001) и друзей (0,005). Среди субъективно значимых проблем было заявлено отсутствие партнера (0,035). На этапе стационарного ПЛ аффективные колебания были детерминированы коммуникациями с медицинским персоналом (0,045).

Психически больных *лиц мужского пола, реализующих физическую агрессию*, отличали такие преобидные особенности, как: наличие грубого физического насилия в детстве и подростковом возрасте (0,001), конформность, зависимость от других как патохарактерологические черты (0,01). В морбидном периоде эту группу лиц характеризовал низкий образовательный уровень (0,03). Среди них преобладали лица с органическим психическим расстройством (0,004), из негативной симптоматики был выражен психастенический дефект (0,04). Значимо чаще характером совершенного ООД были

корыстные деликты с насилием (0,045). В отделении отмечалось установочное поведение в виде социальной желательности заявлений (0,03).

Патопсихологический профиль характеризовался низким уровнем познавательной сферы (0,025), ограниченным объемом знаний и сведений (0,02), выраженным снижением уровня обобщения (0,009). Психически больных мужчин, проявляющих физическую агрессию в стационаре, значимо отличали следующие индивидуально-психологические характеристики: низкий самоконтроль с высоким уровнем раздражительности (0,04), эгоцентризм (0,009); представленность среди доставляющих дискомфорт симптомов паранойальности (0,009) и психотизма (0,018).

Группу *пациенток, проявляющих вербальную агрессию* в стационаре, значимо отличало воспитание в дисфункциональной семье (0,02), неоднократное физическое насилие (0,033), сексуальное насилие в возрасте от 10 до 13 лет (0,003). В школьный период они конфликтовали с учителями из-за учебы. В анамнезе были зафиксированы неоднократные черепно-мозговые травмы, злоупотребление алкоголем. Значимо чаще встречались лица с достаточно высоким образовательным уровнем (0,003), трудовым стажем более года, имеющие брачного или интимного партнера.

Этих пациенток отличало неоднократное привлечение к уголовной ответственности, отбывание наказания в местах лишения свободы; разнородность характера совершенных ООД (от имущественных до агрессивно-насильственных); направленность агрессии на ближайшее окружение.

При патопсихологическом обследовании отмечалась обучаемость (0,005) в сочетании с лабильностью мышления (0,023). Среди индивидуально-психологических характеристик данную группу отличала ситуационная обусловленность реагирования (высокие показатели гибкости) в сочетании с несвязанностью между собой этапов саморегуляции (высокие показатели самостоятельности). Пациентки были склонны использовать копинг-стратегии в виде эмоциональной поддержки, употребления ПАВ, использования юмора и поведенческого избегания. Процесс самоконтроля отличало предпочтение простых задач. Данную группу больных характеризовало восприятие социальной поддержки от семьи (0,002), значимых других (0,013), друзей (0,004), а также высокие показатели самооценности в самоотношении (0,034).

Психически больные *женщины, реализующие физическую агрессию* в стационаре, значимо чаще являлись воспитанницами детских домов. В случае проживания в семье, отношение родителей было безразличное, эмоционально холодное (0,018). Пациентки подвергались сексуальному насилию в детстве (0,033). В школьный период конфликтовали с учителями из-за поведения, имели плохую успеваемость, испытывали унижения со стороны сверстников (0,001). Среди патохарактерологических черт преобладали мнительность (0,023), конформность, зависимость от других (0,027).

Их отличали такие социально-клинические переменные, как неполное среднее образование (0,007), инвалидность по психическому заболеванию, отсутствие брака и трудового стажа, а также отсутствие зависимости от алкоголя.

Патопсихологический профиль характеризовался низким уровнем познавательной сферы (0,033), ограниченным объемом знаний и сведений (0,004) и способностью ориентироваться в практических и бытовых ситуациях (0,038), низкой обучаемостью

(0,005). Отмечались снижение уровня когнитивного функционирования, снижение активности (0,047) и инертность психических процессов(0,004), трудности понимания условного смысла (0,019), выраженное снижение уровня обобщения (0,027), аффективная обусловленность суждений (0,007). Нарушение критичности в широком смысле (0,019).

Среди индивидуально-психологических особенностей значимо чаще встречалась эмоциональная неустойчивость в сочетании с враждебностью (0,003) и паранойяльностью (0,004); использование копинг-стратегий планирования совладания и более развитая способность к программированию своей деятельности; низкий самоконтроль с преобладанием эгоцентризма (0,009) и раздражительности (0,004).

Предикторы физической агрессии представлены в табл. 1.

Универсальными предикторами физической агрессии являются: низкий самоконтроль с предпочтением физической активности, простых задач, со склонностью к риску и раздражительностью, отсутствие эмоциональной поддержки.

С учетом гендерной принадлежности среди предикторов риска физической агрессии в стационаре для мужчин были выделены травматичный опыт в виде физического насилия в семье, низкий образовательный уровень, нарушения операциональной стороны мышления, характер пошлых ООД – корыстные без насилия. Для женщин – семейная дисфункция и школьная дезадаптация, травматический опыт в виде сексуального насилия в детстве, низкий трудовой и maritalный статус, такие патохарактерологические черты, как эмоциональная неустойчивость, подозрительность, инертность мыслительных процессов, трудности понимания условных смыслов и аффективная логика суждений

Таблица 1

Факторы физической агрессии в стационаре

Факторы обследованных	классификации	Универсальные	Нозология		Гендер	
			ПР			
Социально-психологические						
Патогенное влияние родительской семьи	Эмоционально холодные – отец	-	-	-	-	+
	Эмоционально холодные – мать	-	-	-	-	+
Школьная дезадаптация	Унижения ровесниками	-	-	-	-	+
	Конфликты с учителями	-	-	-	-	+
Травматический опыт	Физическое насилие	-	-	-	+	

	Сексуальное насилие	-	-	-	-	+
Образовательный уровень	Низкий	-	-	-	+	+
Трудовой статус	Низкий	-	-	-	-	+
Маритальный статус	Низкий	-	-	-	-	+
Клиничко-психопатологические						
Патохарактерологические черты	Эмоциональная неустойчивость	-	-	-	-	+
	Эксплозивность	-	-	-	-	-
	Подозрительность	-	-	+	-	+
	Конформность, зависимость	-	-	-	+	-
Негативная симптоматика	Психастенический дефект	-	-	-	+	-
Дискомфорт от симпт.	Психотицизм, паранойяльность	-	-	+	+	-
Нарушение критики	К ООД	-	-	-	-	+
Патопсихологические						
Объем сведений и знаний	Низкий	-	-	-	+	+
	Достаточный	-	-	-	+	+
Обучаемость	Низкая	-	-	-	+	+
Ориентировка в практических ситуациях	Низкая	-	-	-	+	+
Динамический аспект	Инертность	-	-	-	-	+
Трудности понимания условных смыслов		-	-	-	-	+
Аффективная логика суждений		-	-	-	-	+
Операциональный аспект мышления	Нарушения	-	-	-	+	+

Психологические						
Самоконтроль	Эгоцентризм	-	+	-	+	+
	Предпочтение физической активности	+	-	-	-	-
	Предпочтение простых задач	+	-	-	-	-
	Склонность к риску	+	-	-	-	-
	Раздражительность	+	-	-	+	+
Восприятие социальной поддержки	Нехватка поддержки	+	+	-	+	-
Составляющие конструкта агрессии	Интеллектуальная	-	-	-	-	+
Социально-клинические						
Характер ООД	Корыстные с насилием	-	-	-	+	-

Примечание: «+» – присутствие фактора, «-» – отсутствие фактора; «м» - мужчины, «ж» - женщины

Психически больных женщин отличал достаточный объем сведений и знаний при снижении темпа умственной деятельности, выраженность аффективной составляющей в конструкте агрессии, использование как активных, так и пассивных копинг-стратегий. Группу мужчин – низкий уровень когнитивного функционирования, эгоцентризм в структуре самоконтроля, высокий уровень внутренней конфликтности в самоотношении, низкий уровень эмпатии, неразвитые навыки межличностного взаимодействия, преобладание агрессивности в коммуникациях в сочетании с активными стратегиями совладания.

Заключение

Универсальными факторами вербальной агрессии в стационаре являются системные нарушения у пациентов процесса саморегуляции в виде «сцепленности» этапов между собой, выраженность в структуре самоконтроля эгоцентризма и всех составляющих конструкта агрессии при отсутствии социальной эмоциональной поддержки.

Универсальными предикторами физической агрессии являются: низкий самоконтроль с предпочтением физической активности, выбора простых задач, склонностью к риску, раздражительность и отсутствие эмоциональной поддержки.

С учетом гендерной принадлежности среди предикторов риска физической агрессии в стационаре для мужчин были выделены травматичный опыт в виде физического насилия в семье, низкий образовательный уровень, нарушения операциональной стороны

мышления. Для женщин – семейная дисфункция и школьная дезадаптация, травматический опыт в виде сексуального насилия в детстве, низкий трудовой и maritalный статус, а также такие патохарактерологические черты, как эмоциональная неустойчивость, подозрительность, инертность мыслительных процессов, трудности понимания условных смыслов и аффективная логика суждений.

Выводы

Вид реализуемой агрессии у женщин значимо чаще сопряжен с клиничко-социальными и патопсихологическими характеристиками: эмоциональной неустойчивостью, усвоенной в детском и подростковом периоде поведенческой моделью агрессии и выраженностью враждебности и подозрительности; инертностью мыслительных процессов в сочетании с низким уровнем когнитивного функционирования и нарушением критичности в широком смысле. У мужчин – с эмоциональной и личностной деформацией, отмечаемой до начала болезненного процесса, снижением когнитивного функционирования и неразвитостью всех звеньев регуляции поведения, высоким уровнем агрессивности в общении, внутренней конфликтностью в сочетании с ригидностью Я-концепции.

Оценка факторов риска внутрибольничной агрессии является самостоятельной психодиагностической работой, которая должна быть обеспечена специальными инструментами, направленными на изучение индивидуально-психологических характеристик регуляции поведения, стратегий совладания, коммуникативных установок и составляющих конструкта агрессии, а также субъективных оценок социального функционирования в стационаре.

Литература

1. Берсенева Ю.А. Внутрибольничное агрессивное поведение психически больных (аналитический обзор). Сообщение 1 // Российский психиатрический журнал. 2009. № 5. С.17–22.
2. Берсенева Ю.А. Прогнозирование внутрибольничного агрессивного поведения психически больных (научный обзор). Сообщение 2. // Российский психиатрический журнал. 2009. № 6. С.4–11.
3. Булыгина В.Г. Внутрибольничная агрессия у психически больных: методические рекомендации. М., 2010. 24 с.
4. Булыгина В.Г. Измерение рисков насилия в судебной психиатрии // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С.1–10.
5. Булыгина В.Г., Макурина А.П. Клиничко-социальные и патопсихологические предикторы агрессии женщин в психиатрическом стационаре (часть 1) // Психическое здоровье. 2014. № 8. – С.50–55.

6. Булыгина В.Г., Макурина А.П. Клиничко-социальные и патопсихологические предикторы агрессии женщин в психиатрическом стационаре (часть 2) // Психическое здоровье. 2014. № 10. С.40–50.
7. Голенков А.В. Агрессивные действия психически больных в стационаре: диагностика, стандарты ухода и наблюдения // Медицинская сестра. 2012. № 6. С. 23–25.
8. Казаковцев Б.А., Букреев Н.В., Булыгина В.Г., Малкин Д.А. Проблемы профилактики повторных общественно опасных действий психически больных // Судебная психиатрия. Профилактика противоправного поведения лиц с психическими расстройствами / Под ред. В.В. Вандыша. Москва, 2011. С. 100–109.
9. Киприн П.В. Агрессивные действия психически больных внутри психического стационара // Российский психиатрический журнал. 2001. № 6. С. 28–32.
10. Макушкина О.А., Голланд В.Б., Яхимович Л.А. Значение мер медицинского характера в системе профилактики общественно опасных действий психически больных // Российский психиатрический журнал. 2013. № 4. С. 20–26.
11. Cleary M., Hunt G.E., Matheson S.L., Siegfried N. Psychosocial interventions for people with both severe mental illness and substance abuse // Cochrane Database of Systematic Reviews. 2007 Issue 4.
12. Monahan J., Steadman H.J., Appelbaum P. Actuarial Model of Violence Risk Assessment for Persons With Mental Disorders // Psychiatr Serv. 2005. Vol. 56. P. 810–815.
13. Mullin S. Does executive functioning predict improvement in offenders' behavior following enhanced thinking skills training? An exploratory study with implications for rehabilitation // Legal and Criminological Psychology. 2007. Vol. 12. P.117–131.
14. Wallace C.J., Lecomte T., Wilde J. et al. A consumer-centered assessment for planning individualized treatment and evaluating program outcomes // Schizophrenia Research. 2001. Vol. 50. – P. 105–119.

Psychological, clinical and social characteristics of patients implementing different types of aggression in the hospital (gender aspect)

Bulygina V.G., PhD in Clinical psychology, the head of the Laboratory of psychological problems forensic psychiatry prevention FGBU «FMIS Psychiatry and Narcology» MHC RF (*ver210@yandex.ru*)

Berezkin A. S., PhD in Psychiatry, Head doctor of FCU «Psychiatric hospital №5» (*asberezkin@yandex.ru*)

Kozlov T. N., PhD in Psychiatry, Deputy chief physician *ца еру* FCU «Psychiatric hospital No. 5» (*tnkozlov@rambler.ru*)

Makurina A. P., researcher of the Laboratory of psychological problems of forensic psychiatric prevention of the FGBU «FMIS Psychiatry and Narcology» MHC RF (*anyaplyakina@yandex.ru*)

Results of the comparative analysis of clinical, social and psycho-pathological predictors of violations of the regime requirements, physical and verbal aggression among mentally ill women and men during the compulsory treatment are presented. It is revealed that the type of aggression in women sample significantly more frequently associated with clinical and social and pathopsychological characteristics: emotional unstable stew, learned in childhood and adolescence behavioral model of aggression and the severity of hostility and suspicion; the inertia of mental processes combined with low level of the cognitive functioning and a violation of insight in a broad sense. Among men – with the emotional and personal deformation, which were revealed before the beginning of illness, the decline in cognitive functioning and undeveloped links in the regulation of behavior, high level of aggressiveness in communication, internal conflict combined with the rigidity of self-concept. The authors concluded that assessment of risk factors from hospital-acquired aggression is an independent psycho-diagnostic work that needs to be provided with special tools, aimed whilst on the study of individual psychological characteristics of the regulation of behavior, strategies coping, communication installations and the treats of the aggression, as well as subjective ratings of social functioning in the hospital.

Keywords: socially dangerous acts, compulsory treatment, physical and verbal aggression.

References

1. *Berseneva Ju.A.* Vnutribol'nichnoe agressivnoe povedenie psihicheski bol'nyh (analiticheskij obzor). Soobshhenie 1 // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. – M., 2009. – №5. – S.17-22.
2. *Berseneva Ju.A.* Prognozirovanie vnutribol'nichnogo agressivnogo povedenija psihicheski bol'nyh (nauchnyj obzor). Soobshhenie 2. // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. – 2009. – №6. – S.4-11
3. *Bulygina V.G.* Vnutribol'nichnaja agressija u psihicheski bol'nyh: Metodicheskie rekomendacii. – M., 2010. – 24 s.
4. *Bulygina V.G.* Izmerenie riskov nasilija v sudebnoj psihiatrii // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. – 2011. – №1. – S.1-10. Bulygina V.G., Makurina A.P. Kliniko-social'nye i patopsihologicheskie prediktory agressii zhenshin v psihiatricheskom stacionare (chast' 1) // Psihicheskoe zdorov'e. – 2014. – №8. – S.50-55.
5. *Bulygina V.G., Makurina A.P.* Kliniko-social'nye i patopsihologicheskie prediktory agressii zhenshin v psihiatricheskom stacionare (chast' 2) // Psihicheskoe zdorov'e. – 2014. – №10. – S.40-50.
6. *Golenkov A.V.* Agressivnye dejstvija psihicheski bol'nyh v stacionare: dia-gnostika, standarty uhoda i nabljudenija // Medicinskaja sestra. – 2012. – № 6. – S. 23–25.
7. *Kazakovcev B.A., Bukreev N.V., Bulygina V.G., Malkin D.A.* Problemy profilaktiki povtornyh obshhestvennoj opasnyh dejstvij psihicheski bol'nyh // Sudebnaja psihiatrija. Profilaktika protivopravnogo povedenija lic s psihicheskimi rasstrojstvami / Pod red. V. V. Vandysha. Moskva, 2011. – S. 100-109.
8. *Kiprin P.V.* Agressivnye dejstvija psihicheski bol'nyh vnutri psihicheskogo stacionara // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. – 2001. – № 6. – S. 28-32.
9. *Makushkina O.A., Golland V.B., Jahimovich L.A.* Znachenie mer medicinskogo haraktera v sisteme profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij psihicheski bol'nyh // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. – 2013. – № 4. – S. 20-26.
10. *Cleary M., Hunt G.E., Matheson S.L., Siegfried N.* Psychosocial interventions for people with both severe mental illness and substance abuse // Cochrane Database of Systematic Reviews. – 2007 – Issue 4.
11. *Monahan J., Steadman H.J., Appelbaum P.* Actuarial Model of Violence Risk Assessment for Persons With Mental Disorders // Psychiatr Serv. – 2005. – V.56. – P.810-815.

Булыгина В.Г., Березкин А.С., Козлов Т.Н., Макурина А.П. Психологические и клиничко-социальные характеристики пациентов, реализующих различные виды агрессии в стационаре (гендерный аспект). Психология и право psyandlaw.ru 2015. Том 5. №3. С. 37-50

Buligina V.G., Berezkin A.S., Kozlov T.N., Makurina A.P. Psychological, clinical and social characteristics of patients implementing different types of aggression in the hospital (gender aspect). Psychology and law psyandlaw.ru Vol. 5. no.3. pp. 37-50

12. *Mullin S.* Does executive functioning predict improvement in offenders' behaviour following enhanced thinking skills training? An exploratory study with implications for rehabilitation // *Legal and Criminological Psychology.* – 2007. –V.12. – P.117-131.
13. *Wallace C.J., Lecomte T., Wilde J. et al.* A consumer-centered assessment for planning individualized treatment and evaluating program outcomes // *Schizophrenia Research.* – 2001. – Vol.50. – P.105-119.

Формирование у студентов-психологов диагностических умений для работы с подростками с девиантным поведением как фактор соблюдения этического принципа объективности

Бусарова О.Р., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, Московский городской психолого-педагогический университет (olga-bus0@yandex.ru)

Целью представленного в статье исследования было изучение вопроса о том, способствуют ли специальные упражнения для формирования у студентов-психологов умений определения причин девиантного поведения подростков, основанные на положениях каузального подхода в психодиагностике А.Ф.Ануфриева, соблюдению принципа объективности. В исследовании приняли участие 30 будущих психологов. После выполнения упражнений на занятиях по дисциплине «Психодиагностика» студенты решали задачу, моделирующую диагностическую работу психолога с подростком с докриминальным девиантным поведением. Студентам предлагалось решить задачу в профессиональном дискурсе – выдвинуть гипотезы о причинах отклоняющегося поведения и в житейском – указать на конкретных виновников ситуации. Дополнительно студенты оценивали свое сходство с героем диагностического случая. Результаты показывают, что студенты, у которых удалось сформировать диагностические умения для выявления психологических причин девиантного поведения, как в профессиональном, так и в житейском дискурсе решали задачу-модель независимо от количества субъективных сходств с ее героем. Студентам, у которых недостаточно сформированы диагностические умения, избежать субъективизма не удалось.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, подготовка юридического психолога, этические принципы психолога.

Для цитаты:

Бусарова О.Р. Формирование у студентов-психологов диагностических умений для работы с подростками с девиантным поведением как фактор соблюдения этического принципа объективности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С.51-60
doi: 10.17759/psylaw.2015050305

For citation:

Busaova O.R. Developing of student diagnostic skills for working with adolescents with deviant behavior as a factor in the ethical principle of objectivity [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015(5), no. 3. pp.51-60. doi: 10.17759/psylaw.2015050305

Этические стандарты предписывают психологу следовать в работе с клиентом принципу объективности, т. е. непредвзятого отношения к нему. В Этическом кодексе психолога, разработанном Российским психологическим обществом (редакция, принятая У Съездом РПО), этот принцип рассматривается как одна из составляющих реализации более общего принципа уважения личного достоинства, прав и свобод человека и формулируется следующим образом: «Беспристрастность Психолога не допускает предвзятого отношения к Клиенту. Все действия Психолога относительно Клиента должны основываться на данных, полученных научными методами. Субъективное впечатление, которое возникает у Психолога при общении с Клиентом, а также социальное положение Клиента не должны оказывать никакого влияния на выводы и действия Психолога» [4].

Соблюдение этического принципа объективности затрудняется такими феноменами межличностного восприятия, как идентификация и проекция. Особенно это актуально для психологов-консультантов и психотерапевтов, что нашло отражение в содержании их профессиональной подготовки. В работе психолога с подростками с девиантным поведением опасность предвзятого отношения весьма велика, так как часто речь идет о предпреступном и криминальном поведении клиента, а с другой стороны, о совсем юном оступившемся человеке, жизненные перспективы которого не могут не вызывать острого сожаления.

Целью нашей работы было изучение вопроса о том, способствуют ли специальные упражнения для формирования у студентов-психологов умений определения причин девиантного поведения подростков, основанные на положениях каузального подхода в психодиагностике, соблюдению принципа объективности.

На факультете юридической психологи Московского городского психолого-педагогического университета предложена деятельностная модель юридического психолога, положенная в основу подготовки специалиста в рамках Государственного образовательного стандарта [3]. Данная модель включает в себя четыре этапа. Специальные упражнения для формирования у студентов умений определения причин девиантного поведения подростков ориентированы прежде всего на работу специалиста на первом этапе. Здесь несовершеннолетние еще находятся в рамках нормосообразного поведения, но некоторые из них проявляют первые признаки девиантного поведения. К этой же ситуации может относиться запрос на раннюю профилактику девиантного поведения, включая выявление предрасположенности к отклоняющемуся поведению и ее коррекцию. Особенностью профилактики как направления деятельности является то, что со всем контингентом клиентов проводится мониторинг, в ходе которого выделяется группа риска, с которой и будет проводиться углубленная работа [там же, с.87].

В исследовании приняли участие 24 студента второго курса факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета и 6 студентов четвертого курса филологического факультета Московского педагогического

государственного университета, получающих дополнительную специальность «Педагогика и психология». Исследование проводилось на заключительных занятиях по дисциплине «Психодиагностика». Студентам давались упражнения для формирования умений определения причин девиантного поведения подростков. Упражнения основаны на выводах, полученных в цикле работ по экспериментальному изучению диагностической деятельности практического психолога под руководством А.Ф. Ануфриева [2]. Работа строилась следующим образом:

- студенты знакомились с основными звеньями диагностического процесса, при этом особое внимание обращалось на выдвижение диагностических гипотез. Для выработки навыка корректной формулировки гипотез студентам предлагались возможные варианты диагностических гипотез, которые они оценивали как удачные или неудачные и сообщали о своем мнении группе, обосновывая его при возникновении вопросов однокурсников или преподавателя;
- под руководством преподавателя студенты сообща решали задачу-модель из практики работы психолога по выявлению психологических причин отклоняющегося поведения подростков;
- каждый студент решал аналогичную задачу-модель самостоятельно и предоставлял результаты решения в письменном виде;
- преподаватель информировал каждого студента об успешности решения задачи и, в случае необходимости, анализировал ошибки и недочеты.

Задачи-модели составлены на основе реальных запросов из практики школьного психолога. Задачи содержат запрос, касающийся выявления причин докриминального отклоняющегося поведения подростка (плохая успеваемость, прогулы занятий, драки и т. п.), и анамнестическую информацию – сведения об ученике, сообщенные учителями, родителями, школьным врачом, а также информацию о составе семьи, успеваемости, особенностях поведения, внешнем виде подростка и его отношении к работе с психологом. Студент должен выдвинуть гипотезы о причинах отклоняющегося поведения подростка. К задачам прилагаются правильные ответы, в которых указываются причины отклонений в поведении, установленные на основании данных психологической диагностики и подтвердившиеся по результатам проведенной со школьником коррекционной работы и дальнейшего отслеживания его поведения в течение не менее года с момента обследования. Кроме того, студентам предлагалось указать, если это возможно, конкретных виновников рассматриваемой ситуации, а также количественно оценить свое сходство с героем диагностического случая, подсчитав количество совпадений в биографии данного подростка и собственной биографии – пол, состав семьи, хобби в этом возрасте, успеваемость по конкретным предметам школьной программы и т. п.

При обработке результатов сопоставлялось число сходств диагноста с подростком с количеством гипотез о причинах неблагополучия подростка и их адекватность – совпадение с гипотезами, выдвинутыми психологом, работавшим с этими случаями в реальности, а также характер решения вопроса о виновнике девиации. Для статистической обработки применялся компьютерный пакет SPSS 13.0 for Windows.

Результаты корреляционного анализа приведены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Корреляция (по Спирмену) числа субъективных сходств психолога с подростком и параметров диагностических гипотез (n=30)

	Число гипотез	Число адекватных гипотез	Процент адекватных гипотез от общего числа
Число сходств	0,26	0,28	0,13
p	0,082	0,066	0,246

Представленные в табл. 1 коэффициенты корреляции указывают на отсутствие значимой связи между количеством отмечаемых студентами-психологами сходств с подростком, фигурирующем в задаче-модели, и количеством и адекватностью диагностических гипотез.

Для дальнейшего анализа выборка была разделена на две группы по степени овладения диагностическими умениями, на формирование которых направлены описанные выше упражнения. В качестве разделительного критерия мы приняли успешность решения задачи-модели. Студенты, выдвигавшие в основном адекватные гипотезы о причинах девиантного поведения подростка (не менее 50% от общего числа предложенных гипотез), вошли в группу под условным названием «успешные диагносты» (14 человек), остальные – в группу «неуспешные диагносты» (16 человек). Подсчитывалась корреляция между числом субъективных сходств с героем задачи и числом диагностических гипотез отдельно для двух групп. Результаты приведены в табл.2.

Таблица 2

Корреляция (по Спирмену) числа субъективных сходств психолога с подростком и числом диагностических гипотез в зависимости от успешности решения задачи-модели

...	Число гипотез	
	Успешные диагносты n=14	Неуспешные диагносты n=16
Число сходств	0,15	0,43*
p	0,307	0,05

* p=0,05.

Таким образом, в группе студентов, успешно решивших задачу, моделирующую диагностическую работу психолога с подростком с девиантным поведением, не обнаружено

корреляции между субъективным сходством диагноста с героем задачи и числом диагностических гипотез. В группе неуспешных диагностов обнаружена положительная корреляция между субъективным сходством диагноста с героем задачи и числом диагностических гипотез. Установленную корреляцию можно объяснить тем, что признание студентами сходных фактов биографии с фигурантом задачи активизирует выдвижение гипотез, т. е. принцип объективности, скорее всего, не умышленно, но нарушается.

Далее мы проанализировали связь числа субъективных сходств начинающих диагностов с характером решения ими вопроса о виновнике девиации. Расчеты проводились как по выборке в целом, так и отдельно по группам успешных и неуспешных диагностов (табл. 3). Самым частым ответом о том, кто виноват в девиантном поведении подростка было указание на конкретного человека из его окружения, остальные варианты встречались реже. Сам подросток как единственный виновник указывался лишь тремя испытуемыми, а только объективные обстоятельства назывались в двух отчетах, поэтому эти ответы при статистической обработке результатов по всей выборке были объединены с теми, где эти факторы упоминались вместе с другими. При анализе результатов по группам в силу малочисленности других вариантов ответов рассматривались только два – конкретный человек из ближайшего окружения подростка как единственная причина и объективные факторы – единственная причина или вместе с другими.

Таблица 3

Сопоставление меры субъективного сходства психодиагноста с подростком и решения вопроса о виновнике девиантного поведения

Вариант ответа о виновнике девиантного поведения	Число испытуемых	Среднее число субъективно отмечаемых сходств с подростком	Число испытуемых, давших другой ответ	Среднее число субъективно отмечаемых сходств с подростком испытуемым и, давшими другой ответ	Значение критерия Манна-Уитни	
Вся выборка n=30						
Конкретный человек из ближайшего окружения подростка (единственная причина или вместе с другими)	24	2,83	6	4,5	39,5	0,082
Конкретный человек из ближайшего	16	2,56	14	3,87	71,5	0,082

окружения подростка (единственная причина)						
Сам подросток (единственная причина или вместе с другими)	7	3,43	23	3,09	78	0,899
Объективные факторы (единственная причина или вместе с другими)	10	4,3	20	2,6	51*	0,026
Успешные диагносты n=14						
Конкретный человек из ближайшего окружения подростка (единственная причина)	8	2,63	6	4,5	14,5	0,204
Объективные факторы (единственная причина или вместе с другими)	5	4,2	9	3,0	18	0,534
Неуспешные диагносты n=16						
Конкретный человек из ближайшего окружения подростка (единственная причина)	8	2,5	8	3,38	22	0,278
Объективные факторы (единственная причина или вместе с другими)	5	4,4	11	2,27	8*	0,022

другими)						
----------	--	--	--	--	--	--

* $p < 0,05$.

Как видно из табл. 3, по выборке в целом обнаружено одно статистически значимое различие. Студенты, объяснявшие девиантное поведение подростка объективными факторами (состояние здоровья ребенка, переезд, развод родителей, переход в новую школу и т. п.), находят достоверно больше сходств между собой и героем задачи-модели, чем те, кто возложил вину за нарушения поведения на конкретных людей из ближайшего окружения школьника или его самого. Аналогичный результат получен и для группы неуспешных диагностов. В то же время в группе успешных диагностов число сходств и характер решения вопроса о виновнике отклоняющегося поведения никак не связаны.

Объяснить эти результаты, как нам кажется, можно, обратившись к такому феномену межличностной перцепции, как каузальная атрибуция – приписывание причин поведения другому человеку, если они достоверно неизвестны интерпретатору. В работах Г. Келли было показано, что характер атрибуций зависит от того, выступает ли субъект восприятия сам участником какого-либо события или его наблюдателем. Было выявлено, что наблюдатель чаще использует личностную атрибуцию – когда причина приписывается лично совершающему поступок, а участник склонен в большей мере объяснить совершающееся обстоятельствами [1, с. 97–98.]. Студенты, отметившие у себя больше сходств с героем задачи-модели, могли частично идентифицироваться с подростком и, соответственно, чаще учитывали объективные обстоятельства, в которых он оказался. Но, как мы уже отмечали, этот социально-психологический феномен не работает в группе студентов, успешно освоивших диагностические умения для работы с подростками с девиантным поведением.

Итак, субъективная оценка психологом своего сходства с героем задачи-модели в группе успешных диагностов не повлияла как на выполнение первого задания – выдвинуть гипотезы о причинах девиантного поведения подростка, так и на выполнение второго задания – указать конкретных виновников рассматриваемой ситуации. В группе неуспешных диагностов степень субъективного сходства с героем задачи-модели оказалась значимо связана как с числом диагностических гипотез, так и с решением вопроса о виновниках девиантного поведения. Первое задание соответствует анализу задачи с позиции научной психологии, т. к. гипотезы должны удовлетворять принятым в психодиагностике требованиям и являются частью целостного диагностического процесса, а второе – с позиции житейской. Заметим, что специалист, получающий запрос на диагностику психологических причин отклоняющегося поведения подростков, часто слышит от учителей, родителей, сотрудников правоохранительных органов именно этот вопрос: «Кто виноват?». Наши данные говорят о том, что студенты, у которых удалось сформировать диагностические умения для работы с подростками с девиантным поведением, объективно анализируют диагностические случаи, рассматривая их как в профессиональном дискурсе, так и в житейском.

По итогам исследования были сделаны следующие выводы.

В группе студентов, у которых удалось сформировать диагностические умения для выявления психологических причин девиантного поведения, не обнаружено корреляции между субъективным сходством диагноста с героем задачи, моделирующей

диагностическую работу психолога с подростком с девиантным поведением, и числом диагностических гипотез.

1. В группе студентов, у которых недостаточно сформированы диагностические умения для выявления психологических причин девиантного поведения, обнаружена положительная корреляция между субъективным сходством диагноста с героем задачи-модели и числом диагностических гипотез ($p=0,05$).

2. Студенты, у которых удалось сформировать диагностические умения для выявления психологических причин девиантного поведения, решают вопрос о виновнике отклоняющегося поведения подростка, фигурирующего в задаче-модели, вне связи с количеством субъективных сходств с этим подростком.

3. Студенты, у которых недостаточно сформированы диагностические умения для выявления психологических причин девиантного поведения, решают вопрос о виновнике отклоняющегося поведения в зависимости от числа сходств с героем задачи-модели: те, кто указывают на объективные факторы, отметили достоверно больше сходств ($p<0,05$).

В заключение отметим, что в данной статье описан только первый этап формирования у студентов диагностических умений для работы с подростками с девиантным поведением. С теми студентами, кто не справился с решением задачи-модели, проводится индивидуальное собеседование с целью анализа ошибок. Затем все студенты совершенствуют диагностические умения на учебной практике, которая проходит в различных образовательных учреждениях, в том числе и специализирующихся на работе с детьми и подростками с девиантным поведением. Итак, результаты нашего исследования показывают, что описанные упражнения для формирования диагностических умений у студентов способствуют соблюдению этического принципа объективности в работе психолога.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2001. 284с.
2. Ануфриев А.Ф. Психологический диагноз: система основных понятий. М.: Ось-89, 2006. 192 с.
3. Богданович Н.В., Чернушевич В.А. Деятельностная модель юридического психолога [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №4. С.85–94. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65728.shtml (дата обращения: 07.10.2015).
4. Этический кодекс психолога и Клятва российского психолога [Электронный ресурс]: http://xn--n1abc.xn--p1ai/rpo/documentation/ethics_klyatva.php (дата обращения: 07.10.2015).

Developing of students diagnostic skills for working with adolescents with deviant behavior as a factor in the ethical principle of objectivity

Busarova O.R., PhD, associate professor, chair of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (olga-bus0@yandex.ru)

The aim of the present article was to study the question of do special exercises for the formation of students-psychologists skills determine the causes of deviant behavior of adolescents, based on the provisions of the causal approach in psycho-diagnostics A. F. Anufrieva, the principle of objectivity. The study involved 30 future psychologists. After performing the exercises in the course "Psychodiagnostics" the students solved the task, which simulates diagnostic work of the psychologist with decriminalised teenager with deviant behavior. Students were asked to solve a problem in professional discourse – to put forward hypotheses about the causes of deviant behavior in everyday life is to point out the culprits of the situation. Additionally, students assessed their similarity with the hero of the diagnostic event. The results show that students who have managed to build up diagnostic skills to identify psychological causes of deviant behavior, both professionally and in everyday discourse grappled with the task model, regardless of the number of subjective similarities with her character. Students who have not sufficiently developed diagnostic skills, to avoid bias failed.

Keywords: deviant behavior, adolescents, preparation of legal psychologists, ethical principles of psychologist.

References

1. *Andreeva G.M.* Social'naya psihologiya [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2001. 284 p.
2. *Anufriev A.F.* Psihologicheskij diafnnoz: sistema osnovnyh ponjatij [Psychological diagnosis: a system of basic concepts]. Moscow: Os'-89, 2006. 192 p.
3. *Bogdanovich N.V., Chernushevich V.A.* Deiatel'nostnaia model' iuridicheskogo psikhologa [Elektronnyi resurs] [The activity model of legal psychologist]. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2013, no. 4. Available at: http://psyedu.ru/journal/2013/4/Bogdanovich_Chernushevich.phtml (Accessed 28.10.2014). (In Russ., abstr. in Engl.).

Бусарова О.Р. Формирование у студентов-психологов диагностических умений для работы с подростками с девиантным поведением как фактор соблюдения этического принципа объективности. Психология и право psyandlaw.ru 2015. Том 5. №3. С. 51-60

Busaova O.R. Developing of student diagnostic skills for working with adolescents with deviant behavior as a factor in the ethical principle of objectivity. Psychology and law psyandlaw.ru Vol. 5. no.3. pp. 51-60

4. *Jeticheskij kodeks psihologa i Kljatva rossijskogo psihologa* [The ethical code of the psychologist and the Oath of the Russian psychologist] [Elektronnyi resurs] Available at: http://xn--n1abc.xn--p1ai/rpo/documentation/ethics_klyatva.php (Accessed 07.10.2015).

Взаимосвязь личностных качеств и эффективности профессиональной деятельности работников налоговых органов

Квашнина Н.Н., старший государственный налоговый инспектор отдела камеральных проверок № 1, ИФНС России № 26 по г. Москве (natalia.kvashnina77@gmail.com)

Коноплева И.Н., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (konopleva.i.n@gmail.com)

Статья посвящена проблеме взаимосвязи личностных качеств и эффективности профессиональной деятельности работников налоговых органов. В работе проведен анализ профессиональной деятельности работника налогового органа, предпринята попытка рассмотреть совокупность действий, входящих в понятие «эффективность профессиональной деятельности», а также рассмотрены личностные качества, необходимые, с нашей точки зрения, для исполнения работниками налоговых органов служебных обязанностей. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи личностных качеств и эффективности профессиональной деятельности работников налоговых органов. Исследование проводилось на базе Инспекции Федеральной налоговой службы России № 26 по г. Москве. В исследовании принимали участие сотрудники следующих отделов: камеральных отделов, выездных отделов, отдела работы с налогоплательщиками, отдела урегулирования задолженности. Установлена взаимосвязь между выявленными качествами, а также различия в проявлении исследуемых качеств у работников налоговых органов с разным сроком службы.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, государственная служба, ответственность, стрессоустойчивость, профессионально-важные особенности.

Для цитаты:

Квашнина Н.Н., Коноплева И.Н. Взаимосвязь личностных качеств и эффективности профессиональной деятельности работников налоговых органов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С.61-74 . doi: 10.17759/psylaw.2015050306

For citation:

Kvashnina N.N., Konopleva I.N. The relationship of personal qualities and efficiency of

professional activity of employees of tax authorities [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp.61-74.
doi: 10.17759/psylaw.2015050306

В связи с ведением Правительством России подобной политики, большое внимание стало уделяться качеству работы государственных органов России. В настоящее время в органах исполнительной власти на смену контролю и силовому воздействию приходит оказание так называемых государственных услуг. Это существенно меняет порядок взаимодействия между субъектами правоотношений с органами государственной власти. От императивной они все больше уходят в диспозитивную специфику.

Таким образом, система государственных органов переживает в настоящее время некий переходный период. Несмотря на перемены, замещение должностей на государственной службе в Российской Федерации пользуется популярностью. Множество молодых специалистов видят себя именно на службе в органах государственной власти. Считается, что этот вид деятельности приносит стабильный доход, дает возможность нарабатывать профессиональный опыт, а также приобрести определенный социальный статус. Поначалу их не пугает даже низкий уровень дохода, зато привлекает возможность карьерного роста.

Перемены коснулись и самой деятельности сотрудников государственных органов. В свете реформ появляются новые требования к навыкам, знаниям и умениям претендентов на замещение должностей на государственной службе, призванные повысить эффективность работы государственных органов. Эти перемены не обошли стороной и налоговые органы. В настоящее время полномочия налоговых органов постоянно расширяются. За время существования налоговой службы в новой России ее функции претерпели значительные изменения. Так же, как и в иных государственных органах, требования к кандидатам на замещение вакантных должностей и к действующим сотрудникам серьезно ужесточились. Все вышеперечисленные основания обуславливают актуальность исследований в области профессионально важных качеств государственных служащих, в том числе и работников налоговых органов.

В рамках проведенного исследования были установлены ведущие для профессиональной деятельности работников налоговых органов личностные качества. Установлены взаимосвязь между выявленными качествами, а также различия в проявлении исследуемых качеств у работников налоговых органов с разным сроком службы. Особое внимание в исследовании было уделено выявлению комплекса качеств личности работников налоговых органов, влияющих на эффективность исполнения ими должностных обязанностей.

Налоговыми органами осуществляются следующие виды деятельности: контрольная деятельность, профилактическая, консультационная, связанная с работой с организациями со смежной деятельностью, аналитическая и экспертная деятельность.

Результаты деятельности налоговой инспекции складываются из результатов работы ее отделов и качества труда каждого инспектора. От того, насколько четко организован труд конкретного налогового инспектора, взаимодействие между отделами инспекции, зависит эффективность работы всей налоговой системы.

Колоссальное влияние на развитие деятельности налоговых органов оказало введение 27 ноября 1998 г. в действие первой части Налогового кодекса России. В этом нормативном документе впервые были сведены воедино принципы организации деятельности налоговых органов, попытка законодательно закрепить некоторые паттерны поведения работников налоговых органов, порядок взаимодействия с налогоплательщиками и стандарты их обслуживания [10].

Кроме перечисленных выше документов, налоговый инспектор руководствуется в своей деятельности приказами и распоряжениями руководителя инспекции, его заместителя, начальника отдела и своего непосредственного руководителя. К важным документам, регламентирующим действия налогового инспектора, относятся Правила внутреннего трудового распорядка инспекции, Положение о премировании сотрудников инспекции, Положение по обеспечению внутриобъектового режима, Инструкция об организации делопроизводства в инспекции и другие аналогичные документы. При поступлении на работу в налоговую инспекцию, при переходе на новую должность налоговый инспектор обязан изучить вышеперечисленные документы и в соответствии с ними строить свою работу в инспекции.

Работа налогового инспектора проходит в условиях постоянного количественного и качественного роста нагрузки. Количественный рост связан опережающим ростом числа налогоплательщиков по сравнению с ростом численности сотрудников инспекции, штатная численность сотрудников остается стабильной. Кроме того, в рамках проводимой Правительством России административной реформы, органы исполнительной власти претерпевают практически ежегодные реорганизации, результатом которых нередко является сокращение штата. Качественный рост вызван тем, что в последние годы в инспекциях появляются принципиально новые участки работы. Другие участки претерпели серьезные изменения, на некоторых увеличивается нагрузка на каждую штатную единицу. Рост нагрузки влечет за собой и перераспределение нагрузки между структурными подразделениями.

Управлением Федеральной налоговой службы России по г. Москве утвержден приказ № 188 от 11.06.2013 г., в котором рассмотрены профессиональные навыки и деловые качества гражданского служащего. Среди них – навык принятия эффективных решений, который подразумевает анализ ситуации, определение цели, оценку возможных вариантов действий, выбор взвешенных своевременных решений, результаты которых приносят положительный эффект; профессиональная компетентность, включающая в себя уровень профессиональных знаний и практических навыков, умение справляться с решением сложных нестандартных ситуаций, способность выполнять служебную деятельность по смежным направлениям, знание и выполнение нормативно-правовых актов, регламентирующих служебную деятельность; организационные навыки (выделение приоритетов в служебной деятельности, умение работать самостоятельно, своевременное выполнение и информирование руководства о результатах служебной деятельности) [11].

Кроме того, руководству инспекций необходимо в целом оценивать эффективность деятельности налогового органа, которая зависит от эффективности деятельности каждого сотрудника. Методику комплексной оценки труда налогового инспектора предложила, в частности, аспирант ФГБОУ ВПО «Государственный университет – УНПК» И.В. Депутатова [3]. Данная методика разрабатывалась на основании методики оценки сложности выполняемых работ в НИИ труда и социального страхования. При этом существуют два варианта набора признаков деловых качеств и результатов труда (для руководителей и для специалистов),

имеющих некоторые незначительные отличия в содержании и их удельной значимости. В рамках категорий руководителей и специалистов наборы признаков принимаются одинаково для всех аттестуемых, независимо от их функциональной группы. Изменяется лишь удельная значимость признаков в наборе деловых качеств и результатов труда, т. е. удельный вес в наборах идентичных признаков у руководителя налоговой инспекции, заместителя руководителя, начальника отдела и налогового инспектора будет различным. По двум другим элементам комплексной оценки – профессионально-квалификационному уровню и сложности выполняемых функций, – вследствие особого их содержания и несколько отличных способов определения, удельная значимость признаков принимается единой для всех квалификационно-должностных групп специалистов.

По данным О.С. Дейнеко с соавторами (1999), люди, принадлежащие к профессии налогового инспектора, отличаются эмоциональной устойчивостью, развитым самоконтролем, выдержанностью, настойчивостью, высокой нормативностью поведения. Им присуща высокая социальная смелость, склонность к риску, аналитичность и критичность мышления, внимание к мелочам. Налоговые инспекторы общительны и тактичны, обладают, скорее, абстрактным интеллектом [5].

Удовлетворенность профессиональной деятельностью напрямую зависит от удовлетворения потребностей, которые возникают у потенциального сотрудника при соискании должности, в том числе и на государственной службе. Е.П. Ильин подразделял мотивы, связанные с трудовой деятельностью на три группы: мотивы трудовой деятельности, мотивы выбора профессии и мотивы выбора места работы, а именно профессиональная деятельность личности [6].

Для подавляющего большинства соискателей должностей в налоговых органах существует целый комплекс причин для выбора именно этой деятельности. Кроме того, в средствах массовой информации в героических формах описывается деятельность налогового органа. И, безусловно, многие потребности работа в налоговых органах удовлетворяет.

Значимая система личностных характеристик, которые с учетом взаимодополняемости и взаимосвязанности могут послужить основой успешного освоения и выполнения профессиональных обязанностей, называется профессионально важными качествами. Изучение психологических особенностей трудовой деятельности сотрудников налоговых органов позволяет найти методы и средства совершенствования деятельности налоговых органов в целом и отдельного инспектора – в частности.

К важным личностным качествам работника налоговых органов относятся аналитический ум, умение концентрировать и распределять внимание, ответственность, добросовестность, коммуникабельность. Конечно же, он должен в совершенстве знать налоговое законодательство и владеть компьютерной техникой, иметь навыки работы с людьми. Все перечисленное обеспечивает и четкую работу, и осознание своей профессиональной сопричастности общему делу, полезности своего труда [3].

Повседневный труд госслужащего связан с необходимостью принимать решения в условиях повышенной напряженности и риска, дефицита времени и информации, постоянно меняющейся социокультурной среды. Отсутствие однозначного алгоритма, заранее готового способа выполнения поставленной задачи требует высокой профессиональной подготовки госслужащих. Ответственность за последствия неправильно или несвоевременно принятого решения в государственной службе чрезвычайно высока.

Почти 92% неверно принятых решений имеют субъективные причины, т. е., связаны с ошибками лица, принимающего решение [7, 9].

Ранее мы отмечали важность такого личностного качества работников налоговых органов, как ответственность. Ответственность – это свойство характера личности. Однако оно проявляется не только в характере. Ответственность проявляется в чувствах, восприятии, сознании, формах поведения. Ответственность как свойство личности – феномен разноплановый. Еще одна из граней обыденного понимания ответственности выходит на передний план, когда речь идет об ответственности за кого-то или за что-то: за близких, за семью, за порученное дело, за коллектив. Если вдуматься в смысл понятия «ответственность» в этом контексте, фактически оно означает «выступать от имени кого-то, отвечать за них, когда их спрашивают». Когда я говорю, что я отвечаю за мою семью, за возглавляемый мной коллектив, за мою страну как избранный лидер, подразумевается, что, когда их о чем-то спрашивают, отвечаю я. Именно такой реальный смысл часто вкладывается, когда люди обычно говорят о себе в этом контексте. Еще полностью не ушло в историю понятие «ответственный работник» — это тот, кто, когда спрашивают других, отвечает от их имени [8].

Проблема функциональных состояний — одна из наиболее запутанных в психологических исследованиях человеческой деятельности. Функциональное состояние перестает быть просто фоном и становится существенной особенностью динамики характеристик поведения и деятельности. Выделяются две основные группы психических функциональных состояний: стресс (напряженность) и утомление. Функциональные состояния работника определяются физиологическими и психологическими факторами [4].

В зоне конструктивного стресса рост его интенсивности приводит к совершенствованию индивидуального уровня исполнения, в деструктивной зоне рост интенсивности приводит к обратному эффекту. Следовательно, можно сделать вывод о том, что существует оптимальный уровень стресса, который обеспечивает высокую эффективность деятельности.

Реакции на стресс бывают двух видов: субнормальная и супранормальная. В случае субнормальной реакции человек изолируется от окружающих, стремится к одиночеству. В случае преобладания супранормальной реакции человек в стрессовой ситуации начинает проявлять агрессию, а также попытки изменить действительность [2].

Стресс подразделяют на жизненный и профессиональный. К профессиональному стрессу, как правило, относят «профессиональное психическое выгорание». Этот феномен имеет обычно затяжное течение. Сущность профессионального психического выгорания в переживаемом состоянии физического, эмоционального и психического истощения, вызываемого длительной включенностью ситуации, содержащие высокие эмоциональные требования, по сути является хронической стрессовой ситуацией.

Термин «эмоциональное выгорание» (англ. *Burnout*) ввел американский психиатр Х.Дж. Фрейденбергер в 1974 г. Этим термином характеризуется психологическое состояние здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами, пациентами, в эмоционально нагруженной атмосфере при оказании профессиональной помощи. Первоначально это понятие отражало состояние изнеможения, истощения, ощущение собственной бесполезности [12].

Профессиональное выгорание сотрудников налоговых органов часто является результатом целого комплекса причин, в ряду которых, например: психологическое давление руководства или коллектива; плохие условия труда; неспособность расставить приоритеты при выполнении служебных заданий; чрезмерно большие нагрузки; ситуации, связанные с высокой частотой переключаемости внимания; высокая вероятность конфликтных ситуаций. В стрессовую ситуацию может ввести работника также и делегирование ему руководителем своих полномочий [1]. Как правило, для преодоления стресса важно наличие совокупности психофизиологических качеств, с помощью которых человек способен переносить интеллектуальные, волевые, эмоциональные перегрузки, связанные с профессиональной деятельностью, без негативных последствий для осуществляемой деятельности и своего здоровья. Такая совокупность личностных качеств и является стрессоустойчивостью.

На основании исследований Б.М. Теплова и В.Д. Небылицына можно утверждать, что стрессоустойчивость зависит от свойств нервной системы, таких, как, например, сила, лабильность и динамичность. Ведь именно эти свойства участвуют в приведении нервной системы в исходное состояние. Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно от свойств нервной системы зависит адаптация личности к стрессовым ситуациям, а также сохранение адекватного поведения в стрессовых ситуациях. Также, на наш взгляд, на формирование стрессоустойчивости личности влияет социальная среда, в которойращается человек.

При осуществлении деятельности в основном в напряженной обстановке с постоянно растущими требованиями на сотрудников оказывают воздействие множество стрессогенных факторов. Поэтому для замещения должностей в налоговых органах человек должен обладать высоким уровнем стрессоустойчивости.

Наше исследование было проведено в 3 этапа. На первом этапе был проведен экспертный опрос, в котором участвовали сотрудники руководящих должностей. В рамках опроса респондентам был предложен перечень личностных качеств, каждое из которых предлагалось оценить по шкале от 1 до 5, исходя из важности этих качеств для осуществления должностных обязанностей. Список качеств формировался на основании перечня, предложенного О.С. Дайнеко с соавторами, а также с учетом качеств, предлагаемых Управлением ФНС России по г. Москве, определенных приказом № 188 от 11.06.2013 г. Из 22 предложенных качеств, по мнению руководящего состава инспекции влияющих на эффективность профессиональной деятельности, в рамках экспертного опроса были выделены три. Это ответственность, стрессоустойчивость и удовлетворенность работой.

На втором этапе исследования была произведена диагностика выраженности качеств, выбранных для исследования путем проведения экспертного опроса. Для этого использовались следующие методики: Тест «Диагностика личностной и групповой удовлетворенности работой» В.А. Розановой; Тест «Диагностика стратегий поведенческой активности в стрессовых условиях» (другое название «Методика диагностики типа поведенческой активности») Л.И. Вассермана и Н.В. Гуменюка; Тест «Ответственный ли вы человек?» А.В. Махнача, а также Опросник ДУМЭОЛП – диагностика уровня морально-этической ответственности личности И.Г. Тимощука.

Исследование проводилось на базе Инспекции Федеральной налоговой службы России № 26 по г. Москве. В исследовании принимали участие сотрудники следующих отделов: камеральных отделов, выездных отделов, отдела работы с налогоплательщиками,

отдела урегулирования задолженности. Возраст испытуемых – от 18 до 65 лет. Срок службы – от 0 до 15 и более лет. Величина первичной выборки – 60 человек.

Выборка была разделена на 4 группы, исходя из срока службы. В первую группу вошли сотрудники сроком службы от 0 до 5 лет, во вторую группу – сроком службы от 6 до 10 лет, в третью группу – сроком службы от 11 до 15 лет, в четвертую группу – сроком службы более 15 лет.

С помощью теста В.А. Розановой можно квалифицировать удовлетворенность сотрудника работой, если он набрал 40 баллов и менее. Если исследовать данное качество в группе, удовлетворенность проявляется не в полной мере, что не удивительно в связи со спецификой исследуемого нами вида деятельности.

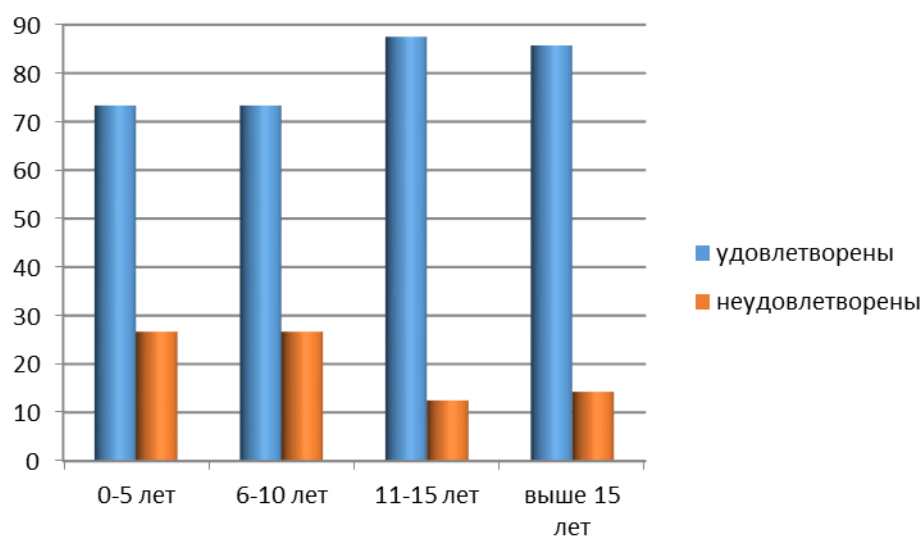

Рис. 1. Удовлетворенность работой

Из рис. 1 видно, что большинство работников удовлетворены своей работой. При этом удовлетворенность работой выше в группах сотрудников, работающих 11 и более лет. Это можно объяснить тем, что, принимая во внимание опыт работы, представители этих групп значительно продвинулись по карьерной лестнице и доход этих сотрудников выше, чем в группах, представители которых работают 10 и менее лет. Также среди сотрудников, стаж работы которых более 10 лет, гораздо меньше людей, устроившихся на подобную работу случайно. Но для достоверности выводов необходимы дополнительные исследования в области удовлетворенности работы, а также необходимо глубже исследовать и анализировать мотивы и цели сотрудников.

По итогам диагностики исследования профессиональной ответственности мы получили следующие результаты (рис. 2).

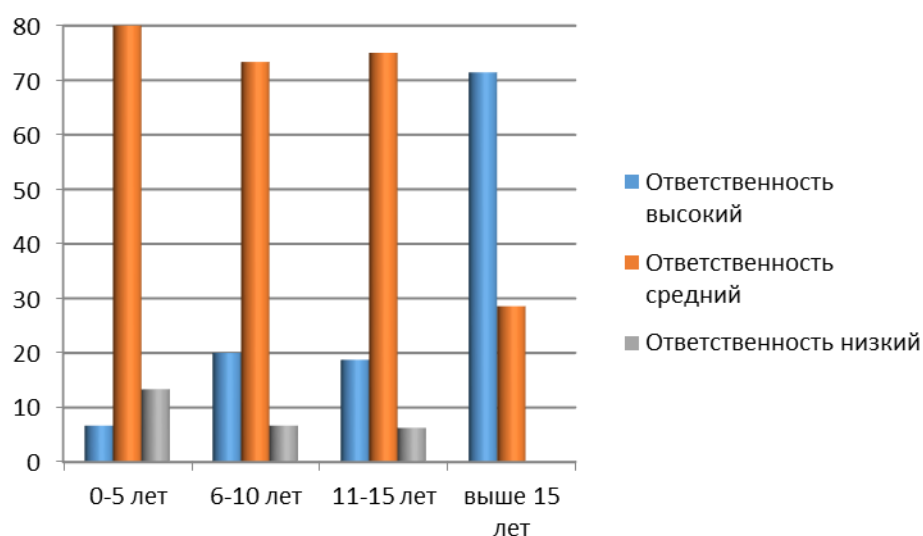

Рис. 2. Показатели профессиональной ответственности

Самый высокий уровень ответственности диагностирован в группе сотрудников со стажем работы более 15 лет, в остальных группах у некоторых участников диагностировался низкий уровень ответственности с тенденцией к склонности к спонтанному принятию решений.

Преобладание высокого уровня ответственности диагностированного в группе сотрудников, отработавших более 15 лет, на наш взгляд, связано также с опытом работы и занимаемыми должностями, при замещении которых необходимо принимать самостоятельные взвешенные решения. Однако при обработке данного теста были выявлены и сотрудники с минимальным сроком службы, у которых высокий уровень ответственности. Наиболее яркое различие уровня ответственности в первой и четвертой группах. В остальных группах результаты пересекаются. Обычно при большем опыте работы сотруднику могут доверить более ответственные задания по сравнению с сотрудниками, имеющими небольшой опыт работы.

Так как использованная нами методика выявляет только профессиональную ответственность, кроме того результаты не выявили значительных различий, нами было принято решение усложнить исследование данного качества. Для этого нами была использована методика «Опросник диагностики уровня морально-этической ответственности личности» (рис. 3).

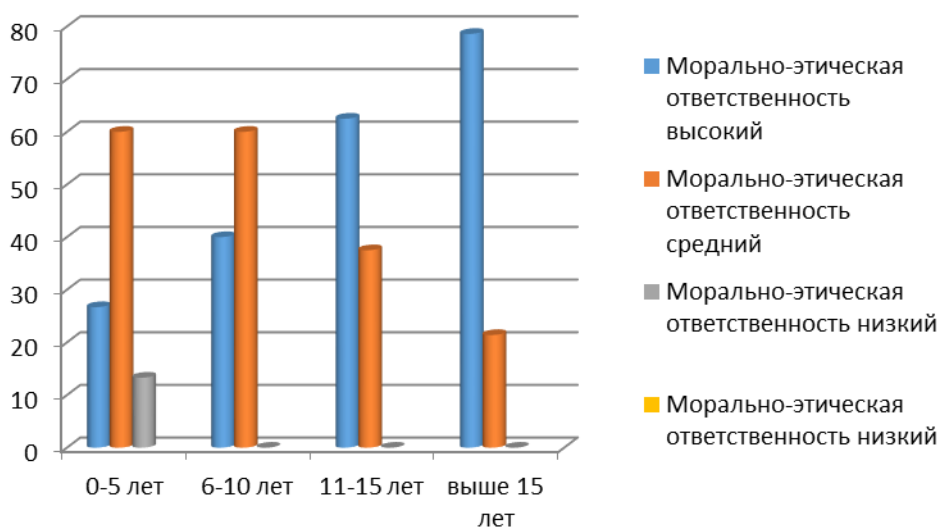

Рис. 3. Уровень морально-этической ответственности

Результаты исследования сотрудников по данной методике подтвердили результаты, полученные при проведении теста А.В. Махнача – среднегрупповой уровень морально-этической ответственности увеличивается с увеличением срока службы.

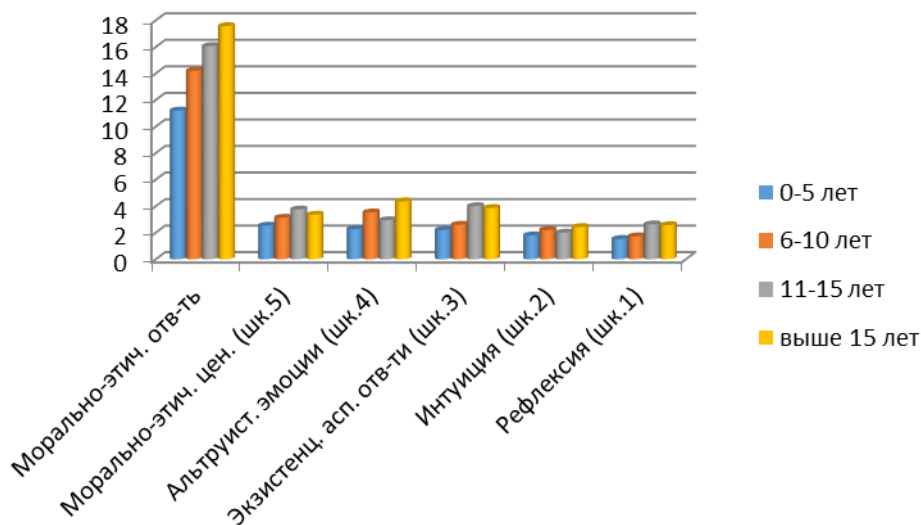

Рис. 4. Среднегрупповой уровень морально-этической ответственности в разрезе шкал

Из рисунка 4 мы видим, что не по всем шкалам результаты можно классифицировать по сроку службы, но это только на первый взгляд. Такие результаты обусловлены тем, что инспекторы на разных сроках службы выполняют разные по сложности и ответственности задания, результаты могли бы получиться другими, если бы при проведении исследования были созданы условия, близкие к идеальным, а именно, если бы при диагностике оговаривалось выполнение одинакового для каждого участника исследования действия, но, учитывая специфику деятельности налогового органа, такие условия создать крайне сложно.

Анализируя критерий Л. Уилкса, можно констатировать наличие различий по средним значениям профессиональной ответственности, а наиболее значимыми оказались различия морально-этической ответственности по следующим шкалам: экзистенциальный аспект морально-этической ответственности и альтруистические эмоции.

Во внутригрупповых матрицах выявлены значимые различия в свойствах личности по шкале морально-этической интуиции, шкале морально-этических ценностей и шкале социальной желательности ($p < 0,05$).

При рассмотрении данных дискриминантного анализа получены следующие результаты классификации – 73,3 % испытуемых были корректно отнесены к группам по сроку службы и имеют различия, обусловленные опытом работы. Результаты оценки корректности распределения по группам варьируются от 50 до 100 %. Таким образом, результат в 73,3 % можно считать удовлетворительным.

Значения по Н-критерию Крускалла–Уоллиса достоверны при $p \leq 0,05$. Анализируя результаты расчета, можно сделать вывод о том, что в целом по выборке существенные различия в группах по сроку службы существуют по следующим качествам: профессиональная ответственность, экзистенциальный аспект ответственности, альтруистические эмоции, морально-этические ценности.

Также для проверки достоверности полученных значений произвели расчет в группах попарно с помощью U-критерия Манна–Уитни. Значения по данному критерию достоверны при $p \leq 0,05$. Исходя из результатов расчета, можно сделать вывод о том, что в целом по выборке существенные различия в группах по сроку службы существуют по следующим качествам: профессиональная ответственность, экзистенциальный аспект ответственности, альтруистические эмоции, морально-этические ценности.

Анализируя средние результаты нашей выборки обнаружено, что при увеличении уровня ответственности, уровень стрессоустойчивости уменьшается ($r = - 0,587, p \leq 0,01$).

С увеличением профессиональной ответственности морально-этическая ответственность увеличивается тоже ($r = 0,408, p \leq 0,01$). Однако это может быть также связано с тем, что описываемые методики, по большому счету, измеряют аналогичный признак.

Профессиональная ответственность положительно коррелирует со шкалами опросника ДУМЭОЛП: нравственная интуиция ($r = 0,671, p \leq 0,01$), экзистенциальная ответственность ($r = 0,818, p \leq 0,01$), альтруистические эмоции ($r = 0,770, p \leq 0,01$), морально-этические ценности ($r = 0,721, p \leq 0,01$), моральная рефлексия на конфликтные ситуации ($r = 0,515, p \leq 0,05$).

При увеличении уровня ответственности уровень стрессоустойчивости уменьшается – стрессоустойчивость отрицательно коррелирует со шкалами опросника ДУМЭОЛП: моральная рефлексия на конфликтные ситуации ($r = - 0,682, p \leq 0,01$), экзистенциальный аспект ответственности ($r = - 0,689, p \leq 0,01$), нравственная интуиция ($r = - 0,530, p \leq 0,05$), морально-этические ценности ($r = - 0,567, p \leq 0,05$); профессиональная ответственность отрицательно коррелирует со стрессоустойчивостью ($r = - 0,573, p \leq 0,05$).

Выводы

В рамках проведенного исследования личностных качеств сотрудников налоговых органов выявлено следующее. Чувство ответственности проявляется больше с увеличением стажа работы. Удовлетворенность работой с увеличением стажа возрастает незначительно, по нашему мнению, это связано с карьерным ростом и, как следствие, повышением доходности сотрудника (при качественном анализе основной причиной неудовлетворенности работой является низкий доход в соотношении с трудовыми затратами и уровнем оплаты труда в других подобных организациях за соответствующий трудовой функционал). 96,67 % испытуемых имеет устойчивость настроения и поведения в стрессогенных ситуациях выше среднего уровня.

Наибольшая стрессоустойчивость выявлена у людей, которые не спешат брать на себя ответственность за себя и других, а также проявляют определенную гибкость, не фиксируясь на самоанализе. В целом по выборке сотрудники налоговых органов проявляют устойчивость к стрессу на уровне выше среднего.

В рамках проведенного эмпирического исследования были получены результаты, частично подтверждающие предположение о том, что ответственность возрастает с увеличением стажа работы. То же самое происходит с удовлетворенностью работой, но, к сожалению, незначительно.

Литература

1. Басенко В.П., Жуков Б.М., Романов А.А. Организационное поведение: современные аспекты трудовых отношений. – М.: Академия Естествознания, 2009. 84 с.
2. Губарева Л.И. Психофизиология. М.: ВЛАДОС, 2007. 188 с.
3. Депутатова И.В. Методика комплексной оценки качества труда налоговых инспекторов как способ повышения эффективности контрольно-проверочной деятельности налогового органа // Альманах «Научные записки ОрелГИЭТ». 2012. № 2. С. 244–232.
4. Забродин Ю.М. Методологические проблемы исследования и моделирования функциональных состояний человека-оператора // Психические состояния и эффективность деятельности. – М.: Изд-во АН СССР, 1983. С. 3–27.
5. Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности [Электронный ресурс]. СПб.: Питер, 2003. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/ilin_difi/05.aspx (дата обращения: 03.09.2015).
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
7. Карпов А.В. Психология принятия решений в профессиональной деятельности. М.: ИПРАН, 1991. 215 с.
8. Копченова Т.Н. Развитие волевой сферы кадров государственной службы: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/122261.html> (дата обращения: 03.09.2015).

9. *Николаева Н.В., Коноплева И.Н.* Выраженность стрессового напряжения и работоспособность сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. №2. С. 87–100. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69869.shtml> (дата обращения: 03.09.2015).
10. *Новосельская И.Б.* Взаимосвязь особенностей профессиональной деятельности государственных служащих и их профессионально важных качеств». дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М., 2000. 136 с.
11. Приказ УФНС России по г. Москве № 188 от 11.06.2013 г.
12. *Соловьева С.Л.* Кризисная психология. Справочник практического психолога. М.: АСТ, 2008. 286 с.

The relationship of personal qualities and efficiency of professional activity of employees of tax authorities

Kvashnina N.N., senior state tax inspector of Department of Desk audits № 1, IFNS Russia № 26 in Moscow (*natalia.kvashnina77@gmail.com*)

Konopleva I.N., PhD (Psychology), Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology Moscow State University of Psychology and Education (*ing01@mail.ru*)

The article is devoted to the relationship of personal qualities and efficiency of professional activity of employees of tax authorities. In work the analysis of professional activity of the employee of the tax authority, attempt to consider a set of actions included in the notion "efficiency of professional activity", and considers personal qualities necessary, from our point of view, for the tax officials of official duties. The article presents the results of empirical research on the relationship of personal qualities and efficiency of professional activity of employees of tax authorities. The study was conducted on the basis of Inspection of Federal tax service of Russia № 26 in Moscow. In research took part the employees of the following departments: in-house departments, field departments, division of work with taxpayers, the division of debt. The relationship between identified qualities as well as differences in manifestation of studied qualities in the employees of tax bodies with different lifetime.

Keywords: professional activity, public service, responsibility, stress resistance, professionally important features.

References

1. *Basenko V.P., Zhukov B.M., Romanov A.A.* Organizacionnoe povedenie: sovremennye aspekty trudovyh otnoshenij. – M.: Akademiya Estestvoznaniya, 2009. – 384 p.
2. *Gubareva L.I.* Psihofiziologija. – M.: VLADOS 2007. – 188 p.
3. *Deputatova I.V.* Metodika kompleksnoj ocenki kachestva truda nalogovyh inspektorov kak sposob povyshenija jeffektivnosti kontrol'no-proverochnoj dejatel'nosti nalogovogo organa. Al'manah «Nauchnye zapiski Orel GIJeT». 2012, № 2. – Pp. 244-232.
4. *Zabrodin Ju.M.* Metodologicheskie problemy issledovaniya i modelirovaniya funkcional'nyh sostojanij cheloveka-operatora. Psihicheskie sostojanija i jeffektivnost' dejatel'nosti. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1983. – Pp. 3-27.

5. *Ilin E.P.* Differencial'naja psihologija professional'noj dejatel'nosti SPb.: Piter, 2003. [Jelektronnyj resurs] URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/ilin_difi/05.aspx (data obrashhenija 03.09.2015).
6. *Ilin E.P.* Motivacija i motivy. – SPb.: Piter, 2002. – 512 p.
7. *Karpov A.V.* Psihologija prinjatija reshenij v professional'noj dejatel'nosti. – M.: IPHAN, 1991. – 215 p.
8. *Kopchenova T.N.* Razvitie volevoj sfery kadrov gosudarstvennoj sluzhby: dis. kand. psihol. nauk: 19.00.13: M., 2000. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/122261.html> (data obrashhenija 03.09.2015).
9. *Nikolaeva N.V., Konopleva I.N.* Vyrashennost' stressovogo naprjazhenija i rabotosposobnost' sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [Jelektronnyj resurs] // Psihologija i pravo. 2014. №2. – Pp. 87–100. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69869.shtml> (data obrashhenija: 03.09.2015).
10. *Novoselskaja I.B.* Vzaimosvjaz' osobennostej professional'noj dejatel'nosti gosudarstvennyh sluzhashhih i ih professional'no vazhnyh kachestv». Dis. kand. psihol. nauk : 19.00.13. – M., 2000. – 136 p.
11. Prikaz UFNS Rossii po g. Moskve № 188 ot 11.06.2013 g.
12. *Soloveva S.L.* Krizisnaja psihologija. Spravochnik praktičeskogo psihologa. – M.: AST, 2008. – 286 p.

Апробация русскоязычной версии методики «шкала импульсивности Барратта» (BIS-11)

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, заведующий отделом медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (*enikolopov@mail.ru*)

Медведева Т.И., младший научный сотрудник отдела медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (*medvedeva.ti@gmail.com*)

Приведены результаты апробации русскоязычной версии методики измерения импульсивности «Шкала Импульсивности Барратта» (BIS-11). Продемонстрированы надежность и валидность полученной российской версии опросника. В исследовании приняли участие 200 человек (среди них 50 больных стационара). Оценка валидности проводилась путем сопоставления результатов с результатами следующих методик: Опросника I7 – Импульсивность, (7-я версия. А. Айзенк, С. Айзенк. Адаптация Т.В. Корниловой, А.А. Долныковой), 16 ЛФ (Кеттел). Корреляционный анализ шкалы Опросника со специфическими шкалами общего личностного Опросника 16 PF Кеттелла и специальным Опросником Импульсивности I7 Айзенка показал, что конструктивная валидность Опросника BIS-11 в целом подтверждается. Показано, что люди, имеющие личностные расстройства (преимущественно психопатии), по Шкале Импульсивности Барратта имеют уровень импульсивности значимо выше, чем группа нормы. Результаты исследования дают возможность рекомендовать российскую версию опросника BIS-11 для использования в клинической диагностике, в сфере обучения и воспитания, для определения профпригодности.

Ключевые слова: импульсивность, шкала импульсивности, BIS-11.

Для цитаты:

Ениколопов С.Н., Медведева Т.И. Апробация русскоязычной версии методики «шкала импульсивности Барратта» (BIS-11). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С.75-89.
doi: 10.17759/psylaw.2015050307

For citation:

Enikolopov S.N., Medvedeva T.I. Approbation of the Russian-language version of the [Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015(5), no. 3. pp.75-89.

doi: 10.17759/psylaw.2015050307

Исследованию различных аспектов импульсивности, под которой понимается склонность к непреднамеренным действиям без учета их последствий, уделяется значительное внимание в психологии. Импульсивность представляет интерес в сфере обучения и образования, в профилактике отклоняющегося и криминального поведения.

Для оценки уровня импульсивности широко используются так называемые общие опросники, которые позволяют сопоставлять другие личностные характеристики с уровнем импульсивности. Большинство экспертов рекомендуют сочетать общие опросники со специальными, предназначенными только для измерения импульсивности. Специальные опросники, как правило, позволяют точнее определить специфическое влияние конкретного психодиагностического критерия на повседневную деятельность, оценить динамику состояния больного на фоне терапии. Таким инструментом является разработанная Барраттом (Barratt) «Шкала импульсивности Барратта BIS-11» [3; 4; 5] — методика, которая позволяет дать объективную оценку уровня импульсивности.

В теоретической модели Барратта [6] в шкале импульсивности существует три подгруппы, измеряющие специальные типы импульсивности. Подгруппа «способность к планированию и самоконтролю» отражает особенности жизненного стиля личности, насколько ему свойственно действовать под влиянием момента, а также ориентацию в настоящее. Также данная подгруппа фокусируется на невнимательности респондента к деталям. Вопросы, привязанные к этой подгруппе, включают в себя заявления типа «я тщательно планирую задачи» и «я планирую поездки задолго до начала». Вторая подгруппа фокусируется на «моторной импульсивности» или тенденции действовать поспешно, без обдумывания. Респонденты с такой склонностью наберут баллы на таких вопросах, как «я ерзаю во время представлений и лекций» и «я неусидчив в театре и на лекциях»; «я импульсивен в покупках» – еще один вопрос относящийся к этой подгруппе. Третья подгруппа относится к внимательности, или способности концентрироваться на задаче («отвлекаемость внимания»). Эта подгруппа касается мыслей респондента о своем будущем, навязчивых мыслей, психологической адаптации. Вопросы в этой подгруппе: «я мыслю последовательно», «мне нравится обдумывать сложные проблемы».

Позже Барратт выделил 6 факторов первого порядка и 3 фактора второго порядка. Ниже в таблице приведено отношение структур факторов первого и второго порядков (Таблица 1).

Таблица 1

Факторы первого и второго порядка в модели Паттона

Факторы второго порядка	Факторы первого порядка
Отвлекаемость внимания	Внимательность
	Когнитивная неустойчивость
Моторная импульсивность	Моторный компонент
	Усидчивость/настойчивость

Способность к планированию и самоконтроль	Самоконтроль (обратная шкала)
	Когнитивная сложность (обратная шкала)

Шкала импульсивности Барратта – это анкета для самостоятельного заполнения, состоящая из 30 вопросов, которая помогает определить, в какой степени человек страдает расстройством контроля импульсивности или патологической импульсивностью. Вопросы касаются хода мыслей и манеры поведения без привязки к определенному моменту времени. Анкета состоит из трех субшкал: двигательной, непланируемой и когнитивной импульсивности.

Задачи исследования: оценка психометрических свойств Опросника BIS-11: ретестовой надежности, согласованности, оценка факторной и конструктивной валидности российской версии опросника.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняты участие 200 испытуемых обоих полов в возрасте от 18 до 55 лет. Уровень образования: среднее, неоконченное высшее, высшее. Первую выборку (выборка № 1 – 150 человек) составили здоровые испытуемые (возраст от 20 до 55 лет, средний возраст 37,5), которые заполняли бланковые версии методики BIS-11. 50 человек из этой выборки заполняли блок методик, который включал в себя опросники BIS-11, I7, 16PF. Вторую выборку (выборка № 2 – 50 человек) составили больные с личностными расстройствами (преимущественно, психопатиями), проходящие лечение в ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского», заполнявшие опросники BIS-11, I7, 16PF в условиях стационара (возраст от 28 до 51 года, средний возраст 39,5). Подгруппы статистически не различались по демографическим показателям и образованию.

Шкала импульсивности Барратта (BIS-11). Шкала импульсивности Барратта – это анкета для самостоятельного заполнения, состоящая из 30 вопросов, которая помогает определить в какой степени человек страдает расстройством контроля импульсивности или патологической импульсивностью [6]. Вопросы касаются хода мыслей и манеры поведения без привязки к определенному моменту времени. Анкета состоит из трех субшкал: двигательной, непланируемой и когнитивной импульсивности. По данным Барратта, общий балл 75 и выше указывает на расстройство контроля импульсивности, балл 70–75 указывает на патологическую импульсивность.

Процедура разработки русскоязычной версии Шкалы импульсивности Барратта (BIS-11) состояла из следующих этапов.

- Перевод и подготовка текста методики на русском языке. Шкала состоит из 30 пунктов, оцениваемых по ранговой шкале в зависимости от степени выраженности описанного в пункте свойства.
- Сбор данных для оценки психометрических показателей опросника.
- Оценка надежности методики. На данном этапе рассчитывались показатели описательной статистики, выявлялись надежность–согласованность пунктов, ретестовая надежность.

- Оценка конвергентной и дискриминантной валидности методики.

С целью установления конвергентной и дискриминантной валидности опросника дополнительно использовались следующие методики.

16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (16PF) [1]. Методика содержит 16 шкал-факторов, диагностирующих личностные особенности обследуемых. Низкие значения по шкалам методики соответствуют 3–4 стенам и ниже, высокая выраженность диагностируемых факторами качеств эквивалентна значениям 7–8 стенов и выше. Факторы методики позволяют получать представление о следующих личностных особенностях: А – открытость, В – развитое мышление, С – эмоциональная стабильность, Е – независимость, F – беспечность, G – сознательность, Н – смелость, I – чувственность, L – подозрительность, М – мечтательность, N – утонченность, Q – склонность к чувству вины, Q1 – радикализм, Q2 – самостоятельность, Q3 – самоконтроль, сильная воля, Q4 – внутренняя напряженность, MD – адекватная самооценка.

Опросник I7 – Импульсивность, 7-я версия. А. Айзенк, С. Айзенк. (Адаптация Т.В. Корниловой, А.А. Долныковой) [2]. Опросник включает 3 шкалы; по результатам факторизации данных на русскоязычной выборке был предложен краткий вариант опросника, состоящий из 28 пунктов, с сохранением прежних 3-х шкал и разными ключами для мужчин и женщин. В данном исследовании использовались две шкалы: «импульсивность» и «склонность к риску».

Поскольку в симптомокомплекс многих психических расстройств входит понятие «расстройство контроля импульсивности», мы предполагали, что показатель «импульсивность» по Шкале Барратта будет значимо отличаться в группе с выраженной психопатологической симптоматикой. Для проверки этой гипотезы было проведено сравнение выполнения методики BIS выборкой № 1 (здоровые участники – 150 человек) и выборкой № 2 (больные, проходящие лечение в ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского», с личностными расстройствами, преимущественно психопатиями, выполнявшие методики в условиях стационара – 50 человек).

С целью проверки ретестовой надежности через четыре недели после первого заполнения методики 20 испытуемых повторно отвечали на вопросы Шкалы импульсивности Барратта (BIS-11).

Статистический анализ результатов проводился в программе SPSS Statistics 19.0. Для проверки надежности опросника BIS-11 проводилось вычисление альфа Кронбаха – для каждого пункта и для всех выборок. Для оценки факторной и конструктивной валидности использовались факторный анализ и корреляционный анализ.

Результаты и обсуждение

Надежность-согласованность. Данные по внутренней согласованности приведены в таблице (

Таблица 2).

Таблица 2

Значения альфа Кронбаха для шкал Опросника BIS-11 для трех выборок

	α Кронбаха (выборка № 1)	α Кронбаха (выборка № 2)	α Кронбаха (общая выборка)
Общая шкала BIS-11	0,914	0,787	0,811

По результатам расчетов, коэффициент Кронбаха для общей шкалы составляет 0.811, что свидетельствует о ее достаточной внутренней однородности.

Тест - ретестовая надежность. Для оценки ретестовой надежности было проведено повторное тестирование 20 испытуемых. Интервалы между двумя тестированиями составили 21–30 дней. Рассчитывались коэффициент корреляции Пирсона между результатами первого и второго тестирований. Показатель rs составил 0,825 при уровне значимости $p < 0,01$, что свидетельствует о приемлемой ретестовой надежности методики.

Факторная структура методики. Факторный анализ проводился на общей выборке. Чтобы проверить теоретическую модель, предложенную в исследовании Барратта с коллегами [6], количество факторов было сохранено и подвержено вращению PROMAX. Для проверки интеркорреляция между полученными субшкалами рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона между факторами второго порядка. Все результаты значимы (F1 vs F2:0,40; F1 vs F3: 0,52; F2 vs F3: 0,29; все $p < 0,001$). Интеркорреляция факторов второго порядка опросника получилась достаточно высокой, это снижает валидность опросника. В целом это может говорить о том, что субшкалы опросника недостаточно разграничены, т.е. высокий балл по одной шкале может предполагать также возможность возникновения зависимости от других параметров. В целом, факторная структура не сохранилась, это можно объяснить тем, что не совпадают исследовательские группы: в исследовании Паттона выборку составили студенты-психологи, специализирующиеся на организационной психологии, в нашем исследовании выборку составили люди различных социальных групп. Поэтому для подтверждения факторной структуры опросника необходимо провести дополнительное исследование. Несмотря на это, в нашем исследовании предложена другая факторная структура, которая, на наш взгляд, является адекватной и применимой к российской выборке. Названия факторов даны по аналогии с исследованиями Паттона. Результаты факторного анализа приведены ниже в таблицах (Таблица 3, Таблица 4).

Таблица 3

Факторная матрица после ротации (общая выборка). Факторы первого порядка

Вопросы опросника BIS-11	Факторы первого порядка
--------------------------	-------------------------

	1	2	3	4	5	6
1. Я «ерзаю» во время представлений и лекций	,721					
2. Я неусидчив(-а) в театре или на лекциях	,642					
3. Я невнимательный(-ая)		,477				
4. Я легко сосредоточиваюсь			-,428			
5. Я мыслю последовательно				,457		
6. Я импульсивен		,606				
7. Я действую по обстоятельствам	,545					
8. Я импульсивен в покупках	-,446					
9. У меня быстрое мышление			,709			
10. Я действую без обдумывания	,602					
11. Я трачу или прошу больше, чем зарабатываю		,433				
12. Я беззаботный(-ая), ветреный(-ая)	,567					
13. Я аккуратен(-на), осторожен(-на) в мыслях				,596		
14. Я тщательно планирую задачи					,579	
15. Я контролирую себя				,654		
16. Я планирую поездки задолго до их начала					,591	
17. Я планирую безопасность работы				,420	,426	
18. Я говорю, не подумав				,406		
19. Мне нравится обдумывать сложные проблемы						,763
20. Мне нравятся загадки (ребусы)		,461				,511
21. Я коплю регулярно		,631				
22. Я более заинтересован(-на) в настоящем, нежели в будущем					,575	

23. Я скучаю при решении задач, требующих обдумывания			,667			
24. Я меняю места жительства	,406					
25. Я меняю работу	,524					
26. Я ориентирован(-на) на будущее					,478	
27. Я могу думать лишь об одной проблеме одновременно			-,557			
28. Когда я думаю, у меня возникают посторонние мысли			,446			
29. Я быстро определяюсь в своем мнении			,678			
30. Я меняю свои хобби	,669					
<i>Метод выделения: Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Промакс с нормализацией Кайзера</i>						

Таблица 4

Факторная матрица после ротации (общая выборка). Факторы второго порядка

Вопросы опросника BIS-11	Факторы второго порядка		
	1	2	3
1. Я «ерзаю» во время представлений и лекций	,721(1)		
2. Я неусидчив(а) в театре или на лекциях	,642(1)		
3. Я невнимательный(-ая)		,477(2)	
4. Я легко сосредоточиваюсь			,428(3)
5. Я мыслю последовательно	,457(4)		
6. Я импульсивен(-на)		,606(2)	
7. Я действую по обстоятельствам	,545(1)		
8. Я импульсивен(-на) в покупках	-,446(1)		
9. У меня быстрое мышление			,709(3)
10. Я действую без обдумывания	,602(1)		
11. Я трачу или прошу больше, чем зарабатываю		,433(2)	

12. Я беззаботный(-ая), ветреный(-ая)	,567(1)		
13. Я аккуратен(-на), осторожен(-на) в мыслях	,596(4)		
14. Я тщательно планирую задачи		,579(5)	
15. Я контролирую себя	,654(4)		
16. Я планирую поездки задолго до их начала		,591(5)	
17. Я планирую безопасность работы	,420(4)	,426(5)	
18. Я говорю, не подумав	,406(4)		
19. Мне нравится обдумывать сложные проблемы			,763(6)
20. Мне нравятся загадки (ребусы)		,461(2)	,511(6)
21. Я коплю регулярно		,631(2)	
22. Я более заинтересован(-на) в настоящем, нежели в будущем		,575(5)	
23. Я скучаю при решении задач, требующих обдумывания			,667(3)
24. Я меняю места жительства	,406(1)		
25. Я меняю работу	,524(1)		
26. Я ориентирована(-на) на будущее		,478(5)	
27. Я могу думать лишь об одной проблеме одновременно			-,557(3)
28. Когда я думаю, у меня возникают посторонние мысли			,446(3)
29. Я быстро определяюсь в своем мнении			,678(3)
30. Я меняю свои хобби	,669(1)		
<i>Метод выделения: Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Промакс с нормализацией Кайзера</i>			

Некоторые высказывания имеют примерно одинаковую нагрузку для нескольких факторов. Пункт 17 нагружает фактор 4 значением 0,420, а фактор 5 – значением 0,426. Пункт 20, в свою очередь, нагружает фактор 2 значением 0,461, а фактор 6 – значением 0,511. Для обеспечения корректности в этом случае следует иметь дело с обоими факторами. Если нельзя четко объяснить принадлежность одного из многих высказываний одному-единственному фактору, то факторный анализ следует считать неудавшимся. Однако в данном случае эта однозначная принадлежность прослеживается. Исходя из

интерпретации факторов, приведенной ниже, пункт 17 следует отнести к пятому фактору, а пункт 20, в свою очередь, более всего отображает суть шестого фактора.

Таким образом, получаем следующую факторную структуру (

Таблица 5).

Таблица 5

Факторная структура для российской выборки

	Факторы первого порядка	Факторы второго порядка
Я ерзаю во время представлений и лекций Я неусидчив(-а) в театре или на лекциях Я меняю свои хобби Я меняю работу Я импульсивен(-на) в покупках Я беззаботный(-ая), ветренный(-ая) Я меняю места жительства Я действую по обстоятельствам Я действую без обдумывания	Фактор 1	Фактор 2 – самоконтроль
Я мыслю последовательно Я аккуратен(-на), осторожен(-на) в мыслях Я контролирую себя Я говорю, не подумав	Фактор 4	
Я импульсивен Я невнимательный(-ая) Я коплю регулярно Я трачу или прошу больше, чем зарабатываю	Фактор 2	Фактор 2 – последовательность и настойчивость, способность к планированию
Я более заинтересован(-на) в настоящем, нежели в будущем Я ориентирован(-на) на будущее	Фактор 5	

Я тщательно планирую задачи		
Я планирую поездки задолго до их начала		
Я планирую безопасность работы		
Я легко сосредотачиваюсь	Фактор 3	Фактор 3 – внимание
Я быстро определяюсь в своем мнении		
Я могу думать лишь об одной проблеме одновременно		
У меня быстрое мышление		
Я скучаю при решении задач, требующих обдумывания		
Когда я думаю, у меня возникают посторонние мысли		
Мне нравится обдумывать сложные проблемы	Фактор 6	
Мне нравятся загадки (ребусы)		

Интерпретация факторов первого порядка показывает, что в первый фактор вошла большая часть пунктов опросника, но по наиболее сильно коррелирующим с ним пунктам его можно проинтерпретировать как фактор, характеризующий импульсивность, более связанный с моторной активностью испытуемых. Он оказался наполненным такими ситуационно-специфическими особенностями поведения испытуемых, как: совершение действия под влиянием момента, тенденция действовать поспешно без обдумывания, способность к активному вниманию, способность контролировать свои действия. Во второй фактор, выделенный в 6-ти факторном решении, вошли пункты, характеризующие уровень общей импульсивности: невнимательность к деталям, неорганизованность, спонтанность. Третий фактор, также выделенный в 6-ти факторном решении, образуют пункты, связанные с когнитивной стабильностью: способность концентрировать и удерживать внимание, готовность к длительному напряжению, стабильность мыслительной деятельности. Четвертый фактор можно проинтерпретировать как фактор, характеризующий уровень самоконтроля. Он отображает процессы, посредством которых человек оказывается в состоянии управлять своими мыслями и поведением, уровни произвольной саморегуляции, оттормаживание импульсивных порывов. Пятый фактор собрал все пункты, связанные со способностью к планированию, ожиданию отсроченного результата. Они отображают настойчивость и упорство, «последовательный стиль жизни». Шестой фактор можно проинтерпретировать как фактор, отображающий «получение удовольствия от решения умственных задач», способность концентрироваться, усидчивость.

Факторная структура второго порядка включает в себя три фактора, которые, в свою очередь, объединяют факторы первого порядка. Первый фактор второго порядка совмещает в себе первый фактор первого порядка и четвертый фактор первого порядка. В целом, этот фактор можно назвать «Самоконтроль». Второй фактор второго порядка совмещает в себе второй фактор первого порядка и пятый фактор первого порядка. Он отражает

последовательность и настойчивость, способность к планированию. Третий фактор второго порядка совмещает третий фактор первого порядка и шестой фактор первого порядка. Этот фактор отображает процессы, связанные с вниманием.

Конструктивная (конвергентная) валидность. При определении конструктивной валидности рассчитывались корреляции между результатами опросника BIS-11 и специфическими шкалами опросников 16PF и I7. Поскольку было выявлено, что факторная валидность субшкал Опросника BIS-11 не подтверждается, был проведен корреляционный анализ общей шкалы. Результаты приведены в таблице (Таблица 6).

Таблица 6

Связь результатов опросника BIS-11 с результатами I7, 16PF

	Российская версия BIS-11 R
I7. Шкала «Импульсивность»	,576**
I7. Шкала «Склонность к риску»	,325*
I7. Шкала «Эмпатия»	-
А. Открытость/замкнутость	-
В. Развитое мышление/ограниченное мышление	-
С. Эмоциональная стабильность/эмоциональная неустойчивость	-,405**
Е. Независимость/податливость	-
Ф. Беспечность/озабоченность	-
Г. Сознательность/беззаботность	-,345**
Н. Смелость/застенчивость	,218*
И. Чувственность/твердость	-
Л. Подозрительность/доверчивость	-
М. Мечтательность/практичность	-
Н. Утонченность/простота	-
О. Склонность к чувству вины/спокойная самоуверенность	-
Q1. Радикализм/консерватизм	-

Q2. Самостоятельность/зависимость	-
Q3. Самоконтроль/недостаточность самоконтроля	-,407**
Q4. Внутренняя напряженность/внутренняя расслабленность	-

* $p < 0.05$; ** $p < 0.005$

Шкала опросника BIS-11 положительно коррелирует со шкалой «Импульсивность» и шкалой «Склонность к риску» (I7). Таким образом, конструктивная валидность в целом подтверждается, т. е. действительно можно говорить о том, что опросник BIS-11 действительно измеряет уровень импульсивности.

Что касается опросника 16PF, то значимая отрицательная корреляция шкалы наблюдается с фактором «Эмоциональная стабильность». Это говорит о том, что людей, обладающих высоким уровнем импульсивности, можно охарактеризовать как нетерпеливых, раздражительных, переменчивых в настроениях, неустойчивых в интересах. Также шкала BIS-11 отрицательно коррелирует с фактором «Сознательность». То есть можно сказать, что индивидуумы, обладающие патологической импульсивностью, в соответствии с интерпретацией фактора «Сознательность» характеризуются недостаточной сознательностью, склонностью к непостоянству, подверженностью влиянию чувств, случая и обстоятельств. Им присуща неорганизованность, безответственность гибкость по отношению к социальным нормам, свобода от их влияния, иногда беспринципность и склонность к асоциальному поведению. Значимая отрицательная корреляция с фактором «Самоконтроль». Низкие оценки по этому фактору указывают на слабую волю и плохой самоконтроль. Деятельность таких людей неупорядочена и импульсивна. Соответственно, эти люди будут давать высокую оценку по шкале «Импульсивность» опросника BIS-11. В данном исследовании значимые корреляции в первую очередь именно с этим фактором 16PF Кеттелла подтверждают содержание шкалы опросника BIS-11. Опираясь на толкование фактора «Смелость», положительную корреляцию с ним можно интерпретировать как взаимосвязь импульсивности с такими параметрами этого фактора, как готовность к риску, спонтанность и живость в общении, склонностью к авантюрам.

Сравнение с клинической выборкой. Проверка существования различий в результатах по Опроснику BIS-11 в разных выборках испытуемых: сравнивались здоровая выборка и выборка больных стационара. По данным Барратта, общий балл по Шкале Барратта 75 и выше указывает на расстройство контроля импульсивности, балл 70–75 указывает на патологическую импульсивность. Сравнение двух выборок по степени выраженности импульсивности показали статистически значимые различия (Chi-квадрат Пирсона = 8,67 $p = 0,003$). Больные стационара значимо чаще имеют повышенный уровень импульсивности, что подтверждает гипотезу о том, что патологический уровень импульсивности входит в симптомокомплекс психопатий и других личностных расстройств.

Выводы

- Результаты настоящего исследования показали, что российский вариант BIS-11 имеет достаточную надежность и достоверность в оценке уровня импульсивности.

- Корреляционный анализ шкалы Опросника со специфическими шкалами общего личностного опросника 16 PF Кеттелла и специальным Опросником Импульсивности I7 Айзенка показал, что конструктивная валидность Опросника BIS-11 в целом подтверждается.
- Факторная структура не сохранилась, пункты Опросника BIS-11 были сгруппированы в факторы иным образом, нежели в исследовании Барратта. Это можно частично объяснить культурными различиями или особенностями, связанными с переводом самого Опросника.
- Люди, имеющие личностные расстройства (преимущественно, психопатии), по Шкале Импульсивности Барратта имеют уровень импульсивности значимо выше, чем группа нормы.
- Методика измерения импульсивности может являться психометрическим инструментом для диагностики психических заболеваний, в сфере обучения и воспитания, в профилактике отклоняющегося и криминального поведения. Она является простой в применении благодаря небольшому объему и доступности материала.

Литература

1. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб: Речь, 2006. 112с.
2. Корнилова Т.В., Долныкова А.А. Диагностика импульсивности и склонности к риску // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. The Moscow University Herald. Series 14. Psychology. 1995. № 3. С. 46–56.
3. Barratt E.S. Impulsivity: Integrating cognitive, behavioral, biological and environmental data // The Impulsive client: theory, research, and treatment / eds. McCown W.G., Johnson J., Shure M.B. Washington, D.C.: American Psychological Association, 1993. P.39-56.
4. Barratt E.S., Stanford M.S., Kent T.A., Felthous A. Neuropsychological and cognitive psychophysiological substrates of impulsive aggression // Biological psychiatry. 1997. Vol. 41. № 10. P. 1045–61.
5. Fossati A., Barratt E.S., Acquarini E., Di Ceglie A. Psychometric properties of an adolescent version of the Barratt Impulsiveness Scale-11 for a sample of Italian high school students // Perceptual and motor skills. 2002. Vol. 95. № 2. P. 621–35.
6. Patton J.H., Stanford M.S., Barratt E.S. Factor structure of the Barratt impulsiveness scale // Journal of clinical psychology. 1995. Vol. 51. № 6. P. 768–74. Новосельская И.Б. Взаимосвязь особенностей профессиональной деятельности государственных служащих и их профессионально важных качеств». дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М., 2000. 136 с.
7. Приказ УФНС России по г. Москве № 188 от 11.06.2013 г.

8. Соловьева С.Л. Кризисная психология. Справочник практического психолога. М.: АСТ, 2008. 286 с.

Approbation of the Russian-language version of the Barratt Impulsiveness Scale (BIS-11)

Enikolopov S. N., Ph.D. in Psychology, The head of Clinical psychology department at Scientific Centre for Psychological Health of Russian Academy of Medical Sciences. Professor, the head of Forensic psychology chair of the Moscow State University of Psychology and Education. Assistant professor at the Neuro- and pathopsychology chair of the Lomonosov Moscow State University (enikolopov@mail.ru)

Medvedeva T.I., Junior researcher Department of medical psychology, FGBNU «Scientific center for mental health» (medvedeva.ti@gmail.com)

The results of approbation of the Russian-language version of the questionnaire measure of impulsivity "Scale of the Barratt Impulsivity" (BIS-11). Demonstrated reliability and validity obtained the Russian version of the questionnaire. The study involved 200 people (among them 50 patients of the hospital). Assessment of validity was conducted by comparing the results with the results of the following methods: questionnaire of the I7 – Impulsiveness, (7-I version. A. Eysenck, S. Eysenck. Adaptation of the T. V. Kornilova, A. A. Dolnikova), 16 LF (Cattell). Correlation analysis of the scale of the Questionnaire with specific scales overall personality Questionnaire 16 PF and Kettell special I7 Impulsiveness Questionnaire Eysenck showed that the construct validity of the Questionnaire BIS-11 overall confirmed. It is shown that people with personality disorders (mainly psychopathy), Impulsivity Scale the Barratt have the level of impulsivity is significantly higher than the group norms. The results of the study allow to recommend the Russian version of the questionnaire BIS-11 for use in clinical diagnostics, in the field of training and education to determine proficiency.

Keywords: impulsivity, the impulsivity scale, BIS-11.

References

1. Kapustina A.N. Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettela. SPb: Rech', 2006. 112с.
2. Kornilova T.V., Dolnykova A.A. Diagnostika impul'sivnosti i sklonnosti k risku. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 1995. № 3, pp. 46-56

3. *Barratt E.S.* Impulsivity: Integrating cognitive, behavioral, biological and environmental data. *The Impulsive client: theory, research, and treatment.* eds. McCown W.G., Johnson J., Shure M.B. Washington, D.C.: American Psychological Association, 1993. P.39-56.
4. *Barratt E.S., Stanford M.S., Kent T.A., Felthous A.* Neuropsychological and cognitive psychophysiological substrates of impulsive aggression. *Biological psychiatry.* 1997. Vol. 41. № 10. pp. 1045-61.
5. *Fossati A., Barratt E.S., Acquarini E., Di Ceglie A.* Psychometric properties of an adolescent version of the Barratt Impulsiveness Scale-11 for a sample of Italian high school students. *Perceptual and motor skills.* 2002. Vol. 95. № 2. pp. 621-35.
6. *Patton J.H., Stanford M.S., Barratt E.S.* Factor structure of the Barratt impulsiveness scale. *Journal of clinical psychology.* 1995. Vol. 51. № 6. pp. 768-74.

Психологические особенности жертв торговли людьми

Ларин А.Н., аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогического университет (aaall1999@rambler.ru)

В статье рассмотрены основные причины попадания в рабство, формы рабского труда, а также нравственно-психологические свойства и признаки потенциальной жертвы торговли людьми. Отмечены факторы риска, способствующие виктимизации человека и увеличивающие возможность стать объектом для криминальных групп, специализирующихся на данном виде преступлений.

Число жертв международной торговли людьми составляет от 600 до 800 тысяч человек в год, а если учитывать торговлю людьми внутри отдельных стран, то общее количество жертв колеблется от 2 до 4 миллионов человек. При этом 80% пострадавших от торговли людьми – это женщины и дети, из которых 70% продаются в другие страны в целях сексуальной эксплуатации. По данным Международной организации по миграции (International Organization of Migration) ежегодно только на европейских рынках проституции продается не менее 500 тысяч женщин.

Среди личностных факторов, которые влияют на увеличение количества таких преступлений, следует указать на семейное неблагополучие, проявляющееся, в первую очередь, в безнадзорности, потере связей с семьей и родителями или же в отсутствии моральной и материальной поддержки со стороны имеющих родных и близких.

Ключевые слова: рабство, торговля людьми, преступление, стрессовая ситуация.

Для цитаты:

Ларин А.Н. Психологические особенности жертв торговли людьми. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С.90-97. doi: 10.17759/psylaw.2015050308

For citation:

Larin A.N. Psychological characteristics of victims of trafficking [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp.90-97. doi: 10.17759/psylaw.2015050308

Рабство в мире существовало еще с древнейших времен и, хотя, международное сообщество приложило массу сил и средств по искоренению данного явления, но и сейчас

данный преступный бизнес успешно процветает, принося торговцам «живым товаром» многомиллиардные прибыли.

В настоящее время, торговля людьми (траффикинг) является серьезной социальной проблемой, представляющей опасность для фундаментальных прав человека: на жизнь, на свободу передвижения, на то, чтобы не подвергаться пыткам. Торговля людьми характерна для всех стран – и экономически развитых, и государств, переживающих переходный политический и экономический период, пострадавших от войн и локальных конфликтов [3].

По данным ООН в мире насчитывается около 27 миллионов невольников, (600–800 тысяч человек в год) [5, с.5], но точное число жертв определить практически невозможно.

Основной причиной, по которой люди становятся рабами, является бедность. Зачастую из-за нехватки средств для удовлетворения базовых потребностей, нестабильного заработка, отсутствия работы, невозможности прокормить семью, человек вынужден соглашаться на различные условия труда, порой в самых нечеловеческих условиях.

Кроме этого, к факторам риска можно отнести:

- отсутствие (или низкий уровень) образования;
- отклоняющееся, рискованное поведение, склонность к авантюризму;
- низкий уровень правовой грамотности;
- неблагоприятные условия жизни в семье;
- отсутствие семьи;
- наличие психических и физических отклонений.

В современном обществе очень остро стоит проблема нелегальной миграции. Данная категория также очень часто подвержена виктимизации, так как, оказываясь на нелегальном положении в чужой стране, люди неспособны противостоять влиянию преступных сообществ, занимающихся торговлей людьми. У мигрантов забирают документы, заставляют работать даром, за еду, их бьют, насилюют, убивают. Использование рабского труда является одной из самых распространенных форм торговли людьми в Российской Федерации.

Особую категорию жертв торговли людьми составляют женщины и дети (около 80 %) [5, с.5]. Зачастую они становятся жертвами сексуальной эксплуатации или используются как попрошайки, надомные рабочие. Чаще всего, при вербовке, их вводят в заблуждение, предлагая высокооплачиваемую работу или престижное обучение за рубежом, скрывая конечную цель – сексуальную эксплуатацию. Если женщина уже вовлечена в сферу сексуальных услуг, то вид деятельности ей могут и открыть, но в итоге, после вывоза за границу, путем изъятия документов, угроз, шантажа, насилия, склонить жертву в сексуальное рабство [1].

Отдельный вид преступлений составляет трансплантация органов и тканей.

Российские ученые Г.К. Смирнов, Т.В. Варчук, Л.С. Дубовая, к нравственно-психологическим свойствам и признакам потенциальной жертвы торговли людьми относят:

- депрессивный тип жертвы торговли людьми, т. е. лица с подавленным инстинктом самосохранения и вовсе лишенные такого инстинкта легко подвергаются насилию и обману;
- жадный тип жертвы. Он представляет собой легкую добычу для торговцев людьми так как чрезмерное стремление к выгоде затмевает разум, жизненный опыт, внутренний голос;
- одиноких и «убитых горем» жертв, так как одиночество ведет к ослаблению умственных способностей человека, делая его легкой добычей для торговцев людьми;
- жертвы со «стокгольмским синдромом» – защитные реакции такой жертвы становятся невозможными из-за долгого и постоянного контакта и отношений с торговцем [6].

В соответствии со ст. 3 Модельного закона № 30-12 «Об оказании помощи жертвам торговли людьми», принятого Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 03 апреля 2008 г., жертва торговли людьми – физическое лицо, пострадавшее от торговли людьми, в том числе вовлеченное в торговлю людьми или удерживаемое в подневольном состоянии, независимо от его процессуального статуса, а также наличия или отсутствия его согласия на предложение, вербовку, перевозку, передачу, продажу, эксплуатацию или иные действия, связанные с торговлей людьми [2, с. 354].

В п. «а» ст. 3 Протокола от 15.11.2000 «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» дается определение «торговли людьми»: это осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов [4].

В российском законодательстве «торговля людьми» и «использование рабского труда» нашли отражение в ст. 127.1 и 127.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [7].

Жертвы торговли людьми получают огромные психологические и физические травмы, проживание в рабских условиях ломает их жизнь, вызывая личностные и социальные отклонения. Таким людям нужна качественная своевременная помощь с целью уменьшения стрессовых проявлений и негативных последствий пребывания в неволе, возвращения их к нормальной жизни, а также снижения возможности ревиктимизации.

Так в Модельном законе № 30-12 «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» указывается, что оказание помощи жертвам торговли людьми – гарантируемый государством комплекс мер защиты жертв торговли людьми, их социальной адаптации и социальной реабилитации, включая оказание им психологической, правовой, социальной, медицинской и иных видов помощи [2].

В данном документе дается определение социальной адаптации жертвы торговли людьми: активное приспособление лица, пострадавшего от торговли людьми, к принятым в обществе правилам и нормам поведения, восстановление нарушенного посягательством процесса социализации, преодоление последствий психологической или моральной травмы, причиненной ему в процессе или результате его эксплуатации либо совершения в отношении него других преступлений в сфере торговли людьми, и социальной реабилитации жертвы торговли людьми – мероприятия, направленные на восстановление социальных связей и социальных функций, утраченных лицом, пострадавшим от торговли людьми, а также иные мероприятия, направленные на реинтеграцию жертв торговли людьми в семью и общество. Социальные службы для жертв торговли людьми – организации любой организационно-правовой формы и формы собственности, осуществляющие мероприятия по социальному обслуживанию жертв торговли людьми (социальная поддержка, оказание социально-бытовых, медико-социальных, социально-педагогических, психолого-педагогических, правовых услуг и материальной помощи, социальная адаптация и социальная реабилитация, обеспечение их занятости), а также граждане, осуществляющие без образования юридического лица предпринимательскую деятельность, связанную с оказанием социальных услуг жертвам торговли людьми [2, с. 354].

К психологическим особенностям жертв торговли людьми можно отнести такие особенности, как: расстройства личности различной интенсивности и направленности, высокая возбудимость, тревожность, депрессивные состояния, нарушения сна и т. д. Кроме этого, может наблюдаться компульсивное поведение, т. е. поведение, не имеющее рациональных целей, а осуществляющееся помимо воли, на основе навязчивых внутренних побуждений, желанием выполнять неосознаваемые бессмысленные действия, которые становятся ритуальными и стереотипными, а попытка освободиться от них вызывает состояние тревоги [1].

Женщины, подвергшиеся насилию, испытывают сильнейшее стрессовое воздействие. О.И. Бродченко отмечает у них некоторые характерные психологические особенности: фрагментация памяти, трудности в произвольном воссоздании картины событий, представлений о последовательности действий преступников; потеря реального чувства времени; апатия, вплоть до безразличия к своей судьбе; возможность принимать решения, неадекватные сложившейся ситуации; некоторые нарушения психики (могут проявляться в постоянном чувстве страха, горя, отчаяния, плаксивости или замкнутости, в нежелании общения, иногда в агрессивном поведении, гневливости и пр.). Кроме этого, полученная психологическая травма не позволяет пострадавшим адекватно оценивать произошедшее, предпринимать оптимальные действия и правильно строить свое поведение [1].

Часто женщины, подвергшиеся сексуальной эксплуатации, просто не обращаются за помощью в правоохранительные органы, боясь огласки, осуждения и насмешек со стороны общества, а также мести торговцев людьми.

Мужчины, ставшие жертвами торговли людьми и эксплуатируемые в условиях тяжелого физического труда, зачастую перекалывают на себя всю ответственность за произошедшее, они замкнуты, тревожны, ведомы, у них нарушены концентрация внимания и сон.

Иногда люди даже не осознают, что стали жертвами преступных действий, что нарушены их права, а они находятся в подневольном положении. Как и женщины, мужчины также не торопятся сообщать о случившемся в полицию, боясь осуждения и непонимания.

В большинстве случаев даже обращение в правоохранительные органы не дает нужного результата ввиду недостаточности улик и сложности раскрываемости таких преступлений. В лучшем случае об обращении человека сообщают его семье, а иностранца просто депортируют на родину. Хуже, если человек – сирота. Он просто никому не нужен, что может стать причиной его ревиктимизации.

Со стороны общества такие люди, вследствие низкого социального статуса или наличия гражданства других, более бедных стран (страны Средней Азии, Африки, Украина, Молдова и т. д.) мало находят адекватной поддержки. На все это просто не обращают внимания.

Иногда жертвы сами могут быть вовлечены в криминальную деятельность (распространение наркотиков, пособничество торговле людьми, нелегальной миграции и т. д.) или отказываются от попыток освободиться, видя в своем рабстве единственный способ существования. После освобождения такие люди могут попасть в рабство снова.

Для оказания психологической помощи важна разработка специальных форм работы, способных снизить негативные последствия пребывания в рабстве.

Несмотря на недооценку проблемы и негативные отношения общества к жертвам подневольной эксплуатации, следует уяснить, что торговля людьми – это серьезное преступление, относящееся к разряду международных, грубейшим образом нарушающее права человека и подрывающее основы правового государства. Поэтому в первую очередь именно государственные органы (Правительство РФ, МВД, ФСБ, следственные органы, УФМС и др.) должны вести борьбу с данным явлением. Необходима четкая программа действий, направленная на изменение общественного сознания по отношению к жертвам торговли людьми. Только взаимодействие правоохранительных органов и общества может снизить интенсивность явления.

Литература

1. Бродченко О.И. Психологические особенности потерпевших по преступлениям, связанным с торговлей людьми [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология, №4, 2009. С. 96–104. URL: <http://www.alpmag.info/archive/91-number-4-for-the-year-2009.html> (дата обращения: 25.05.2015).
2. Модельный закон № 30-12 «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» (принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 03 апреля 2008 г. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2008. № 42. С. 354–388.
3. Памятка МВД России «Осторожно, торговля людьми!» и как не стать ее жертвой. М., 2012. 14 с.
4. Протокол от 15.11.2000 «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию

Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» // Собрание законодательства РФ, 04.10.2004, № 40, ст. 3884.

5. Смирнов Г.К., Щепилов О.О. Защита жертв торговли людьми в уголовном судопроизводстве: справочно-методическое пособие // Под общ. ред. А.Н. Рубцовой, Бюро Международной организации по миграции МОМ в Москве; Н.В. Зайберт, Информационно-консультативный Центр в Санкт-Петербурге. СПб., 2009. – 109 с.
6. Типологический подход при производстве по уголовным делам о торговле людьми: учеб. пособие / [Г.К. Смирнов, Т.В. Варчук, Л.С. Дубовая]; под. ред. Г.К. Смирнова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 143 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.03.2015, с изм. от 07.04.2015) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. №25, ст. 2954.

Psychological characteristics of victims of trafficking

Larin A.N., *Post-graduate Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (aaalll999@rambler.ru)*

The article describes the main causes of falling into slavery, forms of slave labour, as well as moral-psychological properties and characteristics of potential victims of trafficking. Noted risk factors leading to victimization of the person and increase the possibility of becoming an object for criminal groups specializing in this kind of crime. The number of victims of international trafficking ranges from 600 to 800 thousand people a year, and when you consider human trafficking within the individual countries, the total number of victims ranges from 2 to 4 million people. 80% of trafficked people are women and children, of which 70% are sold to other countries for sexual exploitation. According to the International organization for migration (International Organization of Migration) annually only in the European markets of prostitution sold is not less than 500 thousand women. Among the personal factors that affect the increase in the number of such crimes, it is necessary to indicate family trouble, which manifests itself, primarily, to neglect, loss of relationships with family and parents, or in the absence of moral and material support from existing family and friends.

Keywords: slavery, human trafficking, crime, stressful situation.

References

1. *Brodchenko O.I.* Psikhologicheskie osobennosti poterpevshikh po prestupleniyam, svyazannym s trgovlei lyud'mi [Elektronnyi resurs] [Psychological characteristics of victims for the crimes connected with human trafficking]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology], №4, 2009. pp. 96-104. Available at: URL: <http://www.alpmag.info/archive/91-number-4-for-the-year-2009.htmls> (Accessed: 25.05.2015).
2. Modelnyi zakon №30-12 «Ob okazanii pomoshchi zhertvam trgovli lyud'mi» [The Model Law №30-12 «On assistance to victims of human trafficking»] (prinyat Mezhparlamentskoi Assambleei gosudarstv - uchastnikov SNG 03 aprelya 2008). *Informatsionnyi byulleten'. Mezhparlamentskaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States]. 2008. №42. pp. 354 - 388.
3. Pamyatka MVD Rossii «Ostorozhno, trgovlya lyud'mi!» i kak ne stat' ee zhertvoi [Memo to the Russian Interior Ministry «Beware, trafficking in human beings» and how to avoid becoming a victim]. M.: 2012. – 14 p.

4. Протокол от 15.11.2000 «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» [Protokol at 15.11.2000 «On the prevention and suppression of trafficking in persons, especially women and children, and punishment for it, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime»]. «Собрание законодательства РФ» [«Collection of Laws of the Russian Federation»], 04.10.2004, № 40, ст. 3884.
5. *Smirnov G.K., Shchepilov O.O.* Zashchita zhertv trgovli lyud'mi v ugovnom sudoproizvodstve. Spravochno-metodicheskoe posobie [Protection of victims of trafficking in the criminal proceedings. Reference Toolkit]. Pod obshch. redaktsiei A.N. Rubtsovoi, Byuro Mezhdunarodnoi organizatsii po migratsii MOM v Moskve [International Organization for Migration IOM Moscow]; N.V. Zaibert, Informatsionno-konsul'tativnyi Tsentri v Sankt-Peterburge [Information and Consultation Center in St. Petersburg]. – 109 p.
6. Tipologicheskii podkhod pri proizvodstve po ugovnym delam o trgovle lyud'mi: ucheb. Posobie [The typological approach in criminal proceedings on trafficking: Proc. allowance]. [G.K. Smirnov, T.V. Varchuk, L.S. Dubovaya]; pod.red. G.K. Smirnova. – M.: YuNITI-DANA [UNITY-DANA], 2009. – 143 p.
7. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (UK RF) [The Criminal Code of the Russian Federation] ot 13.06.1996 №63-FZ (red. ot 30.03.2015, s izm. ot 07.04.2015). «Собрание законодательства РФ» [«Collection of Laws of the Russian Federation»], 17.06.1996, №25, ст. 2954.

Особенности формирования телесного аспекта гендерной идентичности у мужчин

Харланова М.М., студентка кафедры Клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (kharlanovamarija@yandex.ru)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (dvorian@gmail.com)

Статья посвящена изучению особенностей телесного аспекта гендерной идентичности у мужчин. Актуальность данной работы обусловлена тем, что на данный момент в России изучению влияния телесного аспекта на целостную структуру полоролевой идентичности уделено мало внимания. В настоящее время проблемой изучения телесности занимаются отечественные психологи: Г.А. Арина, В.В. Николаева, А.Ш. Тхостов, А.Н. Дорожевец, Б.Т. Соколова, В.Ю. Баскаков, которые сходятся во мнении о необходимости изучения влияния данной морфо-биологической структуры гендерной идентичности на ее социально-личностную «надстройку» – полоролевые стереотипы, представления, поведение, предпочтения. Однако исследований, подтверждающих их взаимовлияние, не проводилось [7]. В работе рассмотрены следующие понятия: «полоролевая идентичность», «гендер», «дифференциальная социализация», «комплекс Адониса». Произведен содержательный анализ иностранных источников для детального понимания изучаемого феномена; анализ структурных компонентов и особенностей формирования телесного аспекта гендерной идентичности у мужчин с помощью специфически подобранного методического материала. Обнаружены отличительные особенности формирования телесного аспекта гендерной идентичности у мужчин и их отражение в полоролевом поведении. Нами предполагается, что мужчины, не удовлетворенные восприятием собственного тела, склонны к искаженному восприятию полоролевых образов. Полученные данные могут дать основания и перспективы для разработки программ профилактики, диагностики и коррекции, а также открывают поле для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: полоролевая идентичность, СМИ как агент вторичной социализации, гендер, телесность, Я-концепция, Комплекс Адониса.

Для цитаты:

Харланова М.М., Дворянчиков Н.В. Особенности формирования телесного аспекта

гендерной идентичности у мужчин. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С.98-105
doi: 10.17759/psylaw.2015050309

For citation:

Harlanova M.M., Dvoryanchikov N.V. Features of the formation of the bodily aspect of gender identity in men [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015(5), no. 3, pp.98-105
doi: 10.17759/psylaw.2015050309

Введение

Гендерная идентичность, являясь базовым компонентом социальной идентичности, развивается и подвержена постоянному влиянию социально-психологических факторов.

С отнесения своей личности к определенному гендеру начинается формирование полоролевой идентичности: стереотипов, предпочтений, поведения [2].

Современная социальная ситуация в России в последнее время претерпевает значительные изменения, в большей степени обусловленные влиянием американских тенденций, основными из которых являются:

- а) активное распространение феминистских идей;
- б) тенденция к модернизации собственного тела в сторону максимальной выраженности маскулинных качеств, в противовес этой идеи [1].

Остановимся подробнее на последней тенденции. Ею пронизаны все средства массовой информации – агенты вторичной социализации и основные источники получения информации о социальных нормах и гендерных стереотипах у мужчин.

Новое представление об идеале несет в себе иное видение телесности как базовой структуры гендерной идентичности, тем самым искажая само понятие маскулинности.

Изображая модель развития гендерной идентичности в виде пирамиды, можно расположить телесный аспект в ее основании. Морфологический пол дает начало понятию «гендер» – полу социально-психологическому. Претерпевая влияние среды, индивид проходит несколько этапов становления полоролевой идентичности, завершая данную иерархию формированием Я-концепции.

Меняющийся образ тела оказывает влияние на становление в подростковом возрасте мужской и женской «родовой» идентичности, на осознание себя как представителя определенного пола. Последующая интериоризация женских и мужских черт в процессе социализации приводит к становлению собственного Я. Гендерные роли, извлекаемые и подкрепляемые социумом, становятся собственными, морально-этическими.

Обратим ли этот процесс?

Маскулинный тип идентичности обладает выраженными мужскими качествами, такими, как доминантность и напористость, агрессивность и сила, честолюбие, и т. д.

Фемининный тип обладает набором свойств и черт, присущих женщинам: мягкость и зависимость, заботливость и сентиментальность, и пр.

Оба этих показателя образуют четыре типа идентичности [6]. Маскулинный, фемининный и новый тип – недифференцированный, противоположный андрогинии, когда показатели маскулинности и фемининности очень низкие [3].

Данные адаптационные качества были приобретены индивидом в обществе и надстраивались на его базовую, морфологическую составляющую полоролевой идентичности – телесность.

Вопрос конвергенции биологического и социального ставился в работах авторов с давних времен и до сих пор остается не решенным [4; 9].

Социальные факторы, затрагивая динамическую систему Я-концепция, способны изменить некоторые ее компоненты, но коснутся ли данные изменения телесного аспекта в структуре гендерной идентичности и какие возможные проявления данного влияния можно ожидать?

Практическому изучению телесного аспекта гендерной идентичности на сегодняшний момент уделено внимание лишь в зарубежной литературе [9]. Американские исследования предполагают, что телесность, являясь по большому счету биологической определяющей, вовсе не является константной. Направленное усиленное изменение образа собственного тела, в конечном счете, приводит к искаженному его восприятию. Данный феномен был назван Комплексом Адониса или искаженным восприятием мужчиной образа собственного тела, граничащего с дисморфофобией [8].

Прослеживается ли данная тенденция в России в ее современных условиях?

С целью выявления наличия искажений полоролевой идентичности и структурных личностных изменений, было проведено исследование на 70 мужчинах в возрасте от 18 до 25 лет – возраст сложившейся идентичности, на основании концепций многих авторов [4]. Все испытуемые – студенты старших курсов технических университетов и колледжей города Москвы, проживающие в Москве и области, холосты, имеют небольшой рабочий стаж и средний достаток.

В ходе исследования проверялась **гипотеза** о наличии склонности к искаженному восприятию полоролевых образов у мужчин, не удовлетворенных восприятием собственного тела. Таким образом, **предметом** исследования являлись особенности восприятия полоролевых образов у мужчин, не удовлетворенных собственным телом; **объектом** же – телесный аспект гендерной идентичности.

Для данного исследования был подобран следующий **методический комплекс**.

1. Специализированный вопросник «Комплекс Адониса» в адаптации Н.А. Павликовой для изучения телесности и выявления наличия искаженного восприятия образа собственного тела у испытуемых.

2. Для выявления структуры личности и выраженности отдельных ее компонентов была применена методика «МИС» (Методика исследования самооотношения) С.Р. Пантелеева [6].

3. Для диагностики параметров гендерной идентичности (маскулинность, фемининность, андрогинность) и определения субъективного отношения личности к своему уровню развития этих черт был использована методика «МиФ» (Маскулинность и Фемининность) в адаптации Н.В. Дворянчикова, дополненная специальной шкалой «Образ современного мужчины в СМИ»; а также Методика «ФПО» (Фигура–Поза–Одежда) Д.К. Саламовой, Н.В. Дворянчикова и С.Н. Ениколопова для исследования полового самосознания и стереотипов полового восприятия.

Исследование проводилось при помощи онлайн опросников, размещенных в программе Google Форм.

Прежде всего, данные переменных всех методик с помощью факторного анализа были определены в следующие факторы, отражающие взаимосвязь параметров, формирующих гендерную идентичность у мужчин:

Фактор №1 – Полоролевые представления;

Фактор №2 – Фемининность образов;

Фактор №3 – Внутренние противоречия;

Фактор №4 – Идентичность;

Фактор №5 – Социальные представления;

Фактор №6 – Маскулинность образов;

Фактор №7 – Полоролевые идеалы;

Фактор №8 – Ошибки в восприятие образов;

Фактор №9 – Телесное восприятие;

Фактор №10 – Ошибка в восприятии (оценивании) партнера;

На основании наличия или отсутствия комплекса Адониса все испытуемые были поделены на две равные группы – экспериментальную и контрольную, соответственно.

При использовании U-критерия Манна–Уитни выявились значимые различия этих групп в следующих переменных.

1. «На самом деле я...», маскулинная составляющая.
2. «Мужчины считают, что я...», маскулинная составляющая.
3. «Мужчины считают, что я...», фемининная составляющая.
4. «Мой реальный сексуальный партнер...», маскулинная составляющая.
5. «Мой реальный сексуальный партнер...», фемининная составляющая.
6. Самоуверенность.
7. Самопривязанность.

Все средние показатели по данным параметрам в экспериментальной группе оказались выше, чем в контрольной.

Было выявлено, что почти все переменные входят в состав выявленных ранее десяти структурных факторов.

Для лучшего понимания внутригрупповых взаимосвязей отличительных параметров в экспериментальной группе был проведен корреляционный анализ (при помощи коэффициента корреляции Спирмена), в результате которого получилось достаточно большое количество значимых положительных корреляций.

На основании полученных эмпирических данных, статистически обработанных, можно предположить следующее – в экспериментальной группе мужчин, имеющих искаженное восприятие образа собственного тела, преобладает ряд тенденций.

1. Тенденция к максимально завышенным показателям маскулинности и фемининности, а также к противоположному восприятию и стереотипизации мужских и женских образов.

2. Тенденция в ситуациях социальной интеракции на первый план выносить свои высокие фемининные качества.

Данные искажения влекут за собой следующие формы девиантного поведения, выявленные по завышенным показателям шкал вопросника «Комплекс Адониса», составленных на основе медицинских данных [5]:

а) чрезмерно усиленная физическая активность с целью увеличения мышечной массы – занятие различными видами тяжелой атлетики более рекомендуемой нормы двигательной активности человека (более 10–14 часов в неделю при норме 6–10 часов);

б) избегание публичных мест, предполагающих частичное обнажение тела (бассейны, раздевалки и пр.); избегание взаимодействия с партнером;

в) соблюдение диеты, подобранной без рекомендации врачей и направленной на увеличение мышечной массы (например, употребление исключительно продуктов, содержащих высокий процент белка и низкий процент жира; употребление большого количества сахара);

г) прием легальных или нелегальных медикаментов, увеличивающих в короткие сроки мышечную массу и сжигающих жировую (БАДы, стероиды, инсулин и пр.);

е) хирургическое вмешательство (единичный случай в данной выборке);

Таким образом, можно отметить, что телесный аспект затрагивает каждое звено гендерной идентичности, поэтому необходимо дальнейшее изучение современного феномена Комплекс Адониса.

Литература

1. Берн Ш. Гендерная психология. М.: Прайм-Еврознак, 2004. 320 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
3. Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 100–115
4. Клецина И. С. Психология гендерных отношений. Теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
5. Павликова Н.А., Ениколопов С.Н. Взаимосвязь телесного самовосприятия и полового самосознания // Материалы международной конференции «Социальные и клинические проблемы сексологии и сексопатологии». М.: 2002. С. 2–3.
6. Пантелеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
7. Психосоматика: телесность и культура / [В. Николаева, А. Тхостов, Ю. Зинченко и др.]. М.: Академический проект, 2009. С. 311.
8. Bem S.L. Gender schema theory and its implications for child development: Raising gender- a schematic children in a gender-schematic society // Signs: Journal of Woman in Culture and Society. 1983. № 70. P. 196–206.
9. Pope H.G., Phillips K.A., Olivardia R. The Adonis Complex: The Secret Crisis of male Body Obsession. N. Y.: The Free Press, 2000. 236 p.

Features of the formation of the bodily aspect of gender identity in men

Harlanova M.M., Student, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (kharlanovamarija@yandex.ru)

Dvoryanchikov N.V., PhD, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (dvorian@gmail.com)

The article examines the peculiarities of the bodily aspect of gender identity in men. The urgency of this work due to the fact that currently in Russia to study the influence of the bodily aspect to the whole structure of gender identity is given little attention. At the present time the problem of studying the physicality involved in domestic psychologists: Arina G. A., V. V. Nikolaev, A. S. Kostov, A. N. Borojevic, B. T. Sokolov, V. Yu., Baskakov, who agree in opinion on the necessity to study the influence of the morpho-biological patterns of gender identity, her social and personal "add-on" – of sex-role stereotypes, perceptions, behavior, preferences. However, studies supporting their interaction was not performed [7]. In the paper the following definitions: "gender identity", "gender", "differential socialization", "the Adonis complex". Produced comprehensive analysis of foreign sources for a detailed understanding of the studied phenomenon; analysis of the structural components and characteristics of the formation of the bodily aspect of gender identity in men with the help of specifically chosen tutorials. Discovered the distinctive features of the formation of the bodily aspect of gender identity in men and their reflection in sex-role behavior. We assume that men who are not satisfied with the perception of his own body, prone to distorted perceptions of sex-role images. The data obtained can provide the basis and prospects for development of programs of prevention, diagnostics and correction.

Keywords: sex-role identity, mass media as an agent of secondary socialization, gender, corporeality, self-concept, the Adonis Complex.

References

1. *Bern Sh.* Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]. Moscow: Praim-Evroznak, 2004. 320 p.
2. *Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 400 p.
3. *Enikolopov S.N., Dvoryanchikov N.V.* Kontseptsii i perspektivy issledovaniya pola v klinicheskoi psikhologii [Concepts and perspectives of gender studies in clinical psychology]. Psikhologicheskii zhurna [Psychological journal]. 2001. T. 22. no. 3. pp. 100-115

4. *Kletsina I. S.* Psikhologiya gendernykh otnoshenii. Teoriya i praktika [Psychology of gender relations. Theory and practice]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2004. 408 p.
5. *Pavlikova N.A., Enikolopov S.N.* Vzaimosvyaz' telesnogo samovospriyatiya i polovogo samosoznaniya [The interrelation between bodily self-image and sexual identity]. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Sotsial'nye i klinicheskie problemy seksologii i seksopatologii» [Proceedings of the international conference "Social and clinical problems of sexology and sexual pathology"]. Moscow: 2002. P. 2-3
6. *Panteleev S. R.* Metodika issledovaniya samootnosheniya [The research technique of self-evaluation]. Moscow: Smysl, 1993. 32 p.
7. Psikhosomatika: telesnost' i kul'tura [Psychosomatics: corporality and culture]/V. Nikolaeva, A. Tkhostov, Yu. Zinchenko i dr. Moscow: Akademicheskii proekt, 2009. P. 311.
8. *Bem S.L.* Gender schema theory and its implications for child development: Raising gender- a schematic children in a gender-schematic society. Signs: Journal of Woman in Culture and Society, 1983. no. 70. - pp. 196-206.
9. *Pope H.G., Phillips K.A., Olivardia R.* The Adonis Complex: The Secret Crisis of male Body Obsession. New York: The Free Press, 2000.- 236 p.

Рецензия на учебник проф. Ф.С. Сафуанова «Судебно-психологическая экспертиза»

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (dvorian@gmail.com)

Для цитаты:

Дворянчиков Н.В. Рецензия на учебник проф. Ф.С. Сафуанова «Судебно-психологическая экспертиза» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 3. С.106-109
doi: 10.17759/psylaw.2015050310

For citation:

Dvoryanchikov N.V. Book review prof. F. S. Safuanov "Forensic psychological examination" [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp.106-109
doi: 10.17759/psylaw.2015050310

Книга представляет собой уникальное издание, удачно сочетающее в себе монографическое изложение материала и дидактическое построение текста, характерные для учебно-методического пособия. Можно отметить, что представленная работа является первым учебником по судебной экспертизе для психологов и единственным пособием, освещающим практически все аспекты судебно-психологической экспертизы. Книга отличается энциклопедизмом изложения материала и широким охватом проблемных областей, обозначенных в ней тем.

Первый раздел посвящен проблемам использования психологических знаний в судебной экспертизе. В нем позиционируется место судебно-психологической экспертизы (СПЭ) в системе научного знания, ее междисциплинарный характер, представлен анализ истории судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз. Четко обозначены формы использования специальных психологических знаний в уголовном и гражданском процессах, раскрыты их правовые основания, возможности и ограничения с позиции современного состояния психологической науки, специальной методологии психологического исследования. Впервые обсуждены проблемы, связанные с непроцессуальными формами применения психологических знаний (справочно-консультативной деятельностью) в следственной и судебной практике.

Особое внимание уделено одной из наиболее востребованных форм применения психологических знаний – патопсихологическому исследованию в рамках судебно-психиатрической экспертизы: обозначены возможности использования психологических знаний, раскрыты основные задачи, дана структура заключения, представлены образцы заключений.

Во втором разделе представлены общие проблемы судебных экспертиз с участием психолога. Раскрыты организационно-правовые основы СПЭ с учетом положений современного законодательства и организации производства судебных экспертиз в России. В главах, посвященных теоретическим и методологическим основам СПЭ, в контексте основных принципов судебной экспертологии определены объект и предмет данного вида экспертного исследования, глубоко проанализирована проблема специальных психологических знаний в уголовном и гражданском праве. Новым словом в судебной экспертологии является разработка теории судебно-психологических экспертных понятий, имеющих юридическое значение. Раскрыты методологические принципы проведения СПЭ, конкретизирующие системный подход и проблему «нормы и патологии», при этом под «нормой» с позиций уголовного и гражданского права автор предлагает понимать норму регуляции поведения или лежащей в его основе психической деятельности. Тщательно рассмотрен алгоритм планирования психодиагностического исследования в СПЭ с учетом множества факторов, как объективных (процессуальное положение подэкспертного лица, его половозрастные особенности, вид экспертизы по месту и условиям и т. п.), так и субъективных (например, уровень квалификации эксперта). Особый интерес вызывает впервые операционально описанный метод психологического анализа уголовного или гражданского дела. Проанализированы базисные этические ценности психологического исследования, основные этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога, показана специфика профессиональной этики СПЭ по сравнению с этикой оказания психологической помощи.

Третий и четвертый разделы содержат подробное изложение предметных видов судебно-психологических экспертиз в уголовном и гражданском процессе. При этом наряду с глубокой проработкой традиционных видов экспертиз (СПЭ аффекта, индивидуально-психологических особенностей обвиняемых, СПЭ суицидентов, СПЭ малолетних и несовершеннолетних свидетелей и потерпевших и т. п.) представлены относительно новые, но уже принятые судебной практикой (СПЭ потерпевшего по делам о мошенничестве, СПЭ по определению делкоспособности граждан, СПЭ по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка). Уникальность данных разделов книги заключается в прекрасном дидактическом и иллюстративном наполнении. Описание каждого из предметных видов экспертиз сопровождается кратким обзором ключевых психологических проблем, связанных с изучаемым феноменом, выделением юридического значения исследования в контексте уголовного или гражданского российского законодательства, критериями оценки и алгоритмом экспертного исследования, и, что очень важно, – примерами вопросов к эксперту-психологу с учетом заложенных в статьях

закона психологических феноменов, требующих экспертной оценки (с учетом современного состояния психологической науки и пределов компетенции эксперта-психолога).

Пятый раздел полностью посвящен проблемам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы – наиболее распространенной формы экспертного исследования, предполагающей применение психологических познаний. В доступной форме излагаются теоретические, процессуально-правовые и организационно-правовые проблемы комплексного исследования, а также экспертные оценки при производстве экспертизы.

Каждая из глав содержит формируемые компетенции, тезаурус ключевых понятий, вопросы и задания для самоконтроля, что обеспечивает высокий уровень дидактической направленности издания и несомненно будет способствовать прочности усвоения материала учебной дисциплины. В то же время глубокая разработка теоретических и прикладных проблем СПЭ позволяет использовать издание не только как учебное пособие, но и как практическое руководство для судебных экспертов-психологов.

В конце учебника представлены текст Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и примерная учебно-тематическая программа по предмету «Судебно-психологическая экспертиза» для студентов психологических вузов.

Присвоенные изданию Грифы УМО вузов РФ по психолого-педагогическому образованию и УМО по классическому университетскому образованию свидетельствуют о высоком его признании профессиональным сообществом.

Таким образом, рецензируемое издание будет представлять интерес для самого широкого круга специалистов, деятельность которых так или иначе связана с практикой применения психологических знаний в решении задач правоприменительной деятельности.

Book review prof. F. S. Safuanov "Forensic psychological examination"

Dvoryanchikov N.V., PhD, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (dvorian@gmail.com)

The book is a unique publication that combines monographic presentation of the material and didactic structure of the text, characteristic of the teaching AIDS. It can be noted that the presented work is the first textbook on forensic examination for psychologists and the only Handbook covering virtually all aspects of judicial-psychological examination. The book is filled of presentation and broad coverage of the problematic areas identified in it.
